В. Литке
18+
Убийство под зелёным небом
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

В. Литке
Убийство под зеленым небом

https://litres.ru/75009877
SelfPub; 2026

Аннотация

Итан

Я не верю в призраков. Даже если могила повешенного три года назад маньяка пуста, а вершители суда лежат с пулей в голове. В прогнившем Гринсайде за стихами на трупах и ядовито-зелёным следом всегда стоят живые люди. Моя работа — найти убийцу, продираясь сквозь грязь продажных лордов. Убийства не прощают — и мне плевать, кто окажется под маской Садового Призрака. Лишь бы не пострадала единственная, кому я могу доверять.

Николь

Он смотрит на Гринсайд глазами чужака и видит лишь сухие улики. Но я выросла в этих стенах и знаю, какие тайны прячут за закрытыми дверями влиятельные люди города. Детектив доверяет мне, и я стану его глазами и ушами. Я помогу ему распутать этот клубок до самого конца — даже если для этого придётся незаметно подсказать, в какую сторону смотреть.

Содержание

В. Литке 4
Убийство под зеленым небом 5
Оглавление 6
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ 8
ПЛЕЙЛИСТ 9
ПРОЛОГ 10
ГЛАВА 1 12
ГЛАВА 2 21
ГЛАВА 3 30
ГЛАВА 4 39
ГЛАВА 5 49
ГЛАВА 6 61
ГЛАВА 7 73
ГЛАВА 8 89
ГЛАВА 9 111
ГЛАВА 10 133
ГЛАВА 11 157
Конец ознакомительного фрагмента. 174

В. Литке
Убийство под зеленым небом

В. Литке

Убийство под зеленым небом

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© В. Литке, 2026

12+

Оглавление

Убийство под зеленым небом
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ПЛЕЙЛИСТ
ПРОЛОГ
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
Винстан
ГЛАВА 16
ГЛАВА 17

ГЛАВА 18
ГЛАВА 19
ГЛАВА 20
ГЛАВА 21
ГЛАВА 22
ГЛАВА 23
ГЛАВА 24
ГЛАВА 25
ГЛАВА 26
ГЛАВА 27
ГЛАВА 28
ГЛАВА 29
ГЛАВА 30
ГЛАВА 31
ГЛАВА 32
Николь
ГЛАВА 33
Николь
ГЛАВА 34
Итан
ГЛАВА 35
ГЛАВА 36
ГЛАВА 37
ГЛАВА 38
ГЛАВА 39
ГЛАВА 41

ГЛАВА 40
Винстан
Николь
Итан
ГЛАВА 42
ЭПИЛОГ
БЛАГОДАРНОСТИ

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Все персонажи, места и события, описанные в данном романе, являются вымышленными. Любое сходство с реальными лицами или событиями случайно.

Книга содержит детальные описания сцен насилия, работы в патологоанатомических помещениях, проявлений тяжелых заболеваний, графические описания убийств, погружение в разум убийцы, жестокое обращение с животными и сцены суицидального характера. Автор ни в коей мере не романтизирует и не пропагандирует насилие или самоубийства. Все описания продиктованы исключительно художественным замыслом и логикой детективного расследования в исторических реалиях викторианской Англии 1890-х годов.

Информация о медицинских симптомах и химических веществах (включая «Парижскую зелень») носит ознакомительный характер и не является медицинским или практи-

ческим справочником.

Содержит нецензурную брань.

Приятного чтения.

ПЛЕЙЛИСТ

The Amazing Devil — The Horror and the Wild
Cavetown — Juliet
Chris Grey — LET THE WORLD BURN
LP — Lost on You
Radio Company — Drowning
Sam Tinnesz feat. Yacht Money — Play with Fire
Nessa Barrett feat. Jaden Hossler — la di die
Måneskin — CORALINE
Woodkid — Run Boy Run
AURORA — Murder Song (5, 4, 3, 2, 1)
Taylor Swift — Look What You Made Me Do
KALEO — Way Down We Go
James Arthur — Train Wreck
Tom Odell — Another Love
Lewis Capaldi — Someone You Loved
Barns Courtney — Fire
Hozier — Take Me To Church
SYML — Where's My Love
Agnes Obel — Riverside

The Cinematic Orchestra — To Build a Home
Tommee Profitt feat. Fleurie — In the End
Cigarettes After Sex — Apocalypse
Nick Cave & The Bad Seeds — Red Right Hand
Bishop Briggs — River
Bring Me The Horizon — Can You Feel My Heart
Hasley — Him & I

Классика
Никколо Паганини — «Кампанелла» (La Campanella, обработка для скрипки)
Эжен Изаи — «Баллада» (Ballade, op. 27 №3)
Пабло де Сарасате — «Цыганские напевы» (Zigeunerweisen, op. 20)
Tartini-Devil's Trill
Фридерик Шопен — Ноктюрн №20

ПРОЛОГ

Дождь, как серый занавес, накрыл город этой ночью. Капли бились о тротуары, по которым бежали ртутные блики фонарей, а запотевшие окна моего кабинета превратили улицы в размытый сон. Между пожелтевшими газетами и папками с делами я прислушивался к ритму ночи — стук капель по жестяному карнизу, вой ветра в водосточных трубах, звуки скрипящих карет и ржания лошадей. В воздухе витала напряженность, предвещая беду. Казалось, каждое дерево за пределами окна, каждый переулок и каждый шаг могли скрывать тайну.

Этот дождь был не просто непогодой. Он смывал следы, глушил крики, прятал в своей пелене то, что город пытался забыть. Как будто сама земля хотела очиститься, но вместо этого рождала новые тайны. Я стряхнул капли с зонта и снова уставился в окно на вечернее небо — оно было хмурым, как мои мысли. Убийство всегда приходит внезапно, как этот дождь, заставляя сердце сжиматься в предвкушении. Я знал,

что на следующий день это будет не просто очередное преступление. Возможно, новая жертва, которая отчаянно искала спасения, зная все о тени, преследующей ее.

Капли капали в унисон с моими мыслями. Ледяные грани бокала с виски вспыхнули, как улики в свете керосиновой лампы. Мой инстинкт подсказывал, что эта ночь станет началом чего-то большего. Неправильные решения, скрытые мотивы — все могло измениться с первого удара молнии.

Пока город спал, укутавшись в эту пелену, где-то там, во тьме, уже падала в лужу первая капля крови.

ГЛАВА 1

Туман висел над парком, как грязная вуаль, все кругом обволокла ночь, густая и непроглядная. Фонари тускло мер-

цали сквозь пелену моросящего дождя. Он шел вдоль по тропе, слегка прихрамывая, сгорбившись под зонтом. Мысль о последних делах тревожила его, заставляя останавливаться, сжимая в кармане письмо, полученное накануне. Он все еще чувствовал на себе аромат женщины, что провела с ним весь вечер и скрасила ненадолго его одиночество. Несмотря на статус, он уважал ее куда больше, чем многих других людей, считая, что она действительно лечит душу. Вот чем она похожа на него.

Воздух был насыщен запахом прелой листвы, которая перекрывала большую часть света от газовых рожков. Трость с резной ручкой глухо стучала по булыжникам, оставляя на брюках мелкие брызги воды, смешанной с грязью. Он продолжал идти, хотя всей душой желал не оставаться в пустом доме, где тишина оглушала его своим гнетом.

Выстрел прозвучал как хлопок рвущейся ткани. Пуля вошла в левую икру, раздробив кость. Не удержавшись, он рухнул в лужу, ухватившись за ногу, сжимая ее со всех сил, лишь бы остановить растекающееся жжение. Он закричал, но голос утонул в рокоте грома. Ледяные руки цеплялись за мокрую скамью и соскальзывали с той же скоростью, как ускользала жизнь. Он пополз к фонарю, волоча раненую ногу. Пальцы впились в гравий, оставляя кровавые полосы. Вокруг не было никого, сбитое дыхание создавало шум в ушах, заставляя мысли путаться. Он проводил взглядом между деревьев в самые темные уголки, но боялся найти там хоть ка-

кой-то намек на нападавшего, что был словно призрак, витающий где-то поблизости. Из тени в свете фонаря сверкнуло оружие, бросая блики в застывшие от ужаса глаза.

— Пощади меня, умоляю, — хрипя, произнес он, пятясь все ближе к фонарю. Однако сколько бы он ни молил, второй выстрел не заставил себя ждать. Пуля пробила череп, разбрызгав серое вещество на замшелые камни фонтана. Тело дернулось и рухнуло в грязь, наполняя ее свежей багровой кровью. Дождь смывал истлевшую жизнь до последней капли в водосточную трубу, оставив ледяной, застывший в муках труп человека, что когда-то спасал жизни, а в итоге не сумел спасти свою.

Пепел упал на холодное стекло с последней гаснущей частицей табака. Дым часто наполнял мою комнату, словно туман. Раздался звонок, я медленно сделал затяжку с едва слышным шкварчанием сигары, и дым прокатился жжением

в носу, но уже довольно приятным, поскольку курение уже давно стало для меня удовольствием.

— Мистер Кларк? — на том конце провода раздался знакомый картавый голос офицера Вилсона. — Нужна ваша помощь.

Я уже догадался, что меня ждет новое дело, ведь мне никто не звонит по другим причинам. Это уже присуще моему образу жизни. Я детектив, моя работа — серийные убийцы. Я провожу часы, пересекая улицы города, разговаривая с людьми, которые могут предоставить важные сведения. Иногда приходится сталкиваться с непростыми личностями, и важно уметь находить общий язык с каждым.

Следы могут быть как явными, так и обманчивыми. Я часто использую интуицию, чтобы проводить параллели и выявлять связи. Разговоры с подозреваемыми требуют мастерства: нужно внимательно слушать их слова, чтобы уловить несоответствия и ложь.

Но, несмотря на всю серость и напряжение, в этом есть своя прелесть. Когда удается раскрутить сложный клубок событий и поймать преступника, понимаешь, что все труды не напрасны. Это не просто работа — это страсть, которая требует находчивости, терпения и мужества. Эта страсть — мой путь к справедливости.

— Есть что-то интересное для меня? — я откинулся на спинку кресла и достал из кармана серебряные часы, увенчанные потертым временем узором в виде переплетающихся

стеблей.

— На этот раз дело обстоит по-другому. — Его голос на фоне помех связи выдавал отчетливую нервозность, будто он сомневался, стоит ли мне звонить.

— Буду в участке через 30 минут. — Терпение, вот чего я порой лишен, когда дело касается сомнений окружающих. Больше всего я не люблю недоговоренностей, и сейчас это то, что заставляет меня смотреть на часы чаще, чем когда-либо.

— Нет, сэр, вас пригласили для экспертизы как члена комиссии по делам прав человека. Вам необходимо ехать в Гринсайд.

— С чего вы взяли, что я отправлюсь в такую даль, да еще и в такую погоду?

— Простите, мистер Кларк, но ситуация вынуждает нас обратиться к вам, в городе неспокойно, и мистер Девоншир поручился привлечь вас как независимого эксперта. Он настоял на том, чтобы вы присутствовали. Письмо уже доставили вам с утренней почтой.

Поверх газет и печатных вырезок о Зеленой лестнице я приметил конверт с печатью.

— Я заинтересован. Есть ли еще что-то, что я должен узнать прямо сейчас, офицер Вилсон?

— Все детали полагаю в письме от мистера Девоншира, к сожалению, детали он нам не сообщил. Карета прибудет к вам через час. Всего доброго, мистер Кларк.

Во что же он втянул меня на этот раз? Я развернул кон-

верт, что пах лавандой и кофе. Мое любопытство всегда брало верх над оценкой последствий, благо это не доходило до отрешенного безрассудства.

«Винтерфилд, 4 апреля 1890 года

Дорогой Итан,

Надеюсь, это письмо застанет тебя в добром здравии, несмотря на мрачность новостей, которые я вынужден сообщить. Как член Инспекции, ты, безусловно, слышал о деле «Садового призрака» — того самого маньяка, которого три года назад повесили в Гринсайде по вердикту судьи Монтегю. Казалось бы, история закрыта. Но теперь в том же городе убиты трое: сам Монтегю, инспектор Грейвз и доктор Блэкмор. Все они участвовали в поимке и казни Призрака.

Местные власти твердят о призраке и мести, никаких улик нет, но ты знаешь мой нюх — здесь пахнет театром одного убийцы. Мне нужен твой взгляд, Итан. Ты единственный, кто разгадывал подобные головоломки в Бирмингеме и Лидсе. Дело просится в твою коллекцию.

Официально Инспекция направляет тебя в Гринсайд для «аудита соблюдения правопорядка». Мэр Хеллтон уже уведомлен, но… будь осторожен. Он настаивает, что город справится своими силами. Его лейтенант, некий Джозеф Картер, встречает тебя на вокзале. Не доверяй ему — местная полиция словно одержима желанием поскорее закрыть каждое дело.

Приезжай срочно. Если это новый маньяк, он лишь начал.

Если же месть — то за кого? Тот «Призрак» не имел родни… или что-то упустили?

Твой друг и коллега, Винстан Девоншир,

Старший инспектор по особым делам.

P.S. Я запросил из архива дело 1887-С, загляни в него. Там есть любопытная пометка Грейвза: «Призрак говорил о саде, где цветы кормят землю». Возможно, ключ. Коробку должны доставить утром».

Я затушил сигару и снова взглянул на часы, сжимая в руке письмо Винстана. Запах сургуча смешивался с ароматом сирени и влажной листвы из открытого мною окна. Что же такое скрывает этот город? Почему история убийцы повторяется, заставляя город встать вверх дном? За окном местами пробивались лучи солнца, освещая пыльные стеллажи с юридическими фолиантами. Но даже яркие лучи не могли разогнать мрак, витавший в моих мыслях.

Я перечитал строки еще раз. «Призрак говорил о саде, где цветы кормят землю». Бессмыслица? Или ключ, который Винстану не удалось повернуть?

Нервно постучав пальцами по дубовому столу, я встал с удобного кресла, невольно задумавшись, что вернусь в него не скоро, и мысль о том, что про такое удобство придется забыть на какое-то время, заставила меня передернуться. Я мало что знаю об этом городе, но я точно помню, что в нем не бывает хорошей погоды.

У стены стоял мой верный кожаный чемодан с потерты-

ми уголками, спутник всех расследований. Я достал из стола необходимые принадлежности, набор мелких инструментов, пару реактивов, блокнот в кожаном переплете и другие вещи, которые могли мне пригодиться. «Никогда не знаешь, что тебя ждет» — промелькнула мысль, что посещала мою голову последние 10 лет. Однако не только это вертелось в моих мыслях. Вспомнив постскриптум письма, я незамедлительно спустился на первый этаж и окликнул пожилую даму, которая как обычно возилась с цветами.

— Мэгги, должны были привезти коробку с документами, кто-то приходил? — Миссис Хорлоу посмотрела на меня с усталым, но ровным и доброжелательным лицом. Ее волосы, несмотря на возраст, были весьма длинные и волнистые и как всегда были аккуратно убраны под скромный чепчик, она расправила небольшие сборки на простом, но чистом и выглаженном платье с фартуком цвета потускневшей от времени ткани.

— Ах, ты бы лучше не курил здесь, в кабинете. Я семь раз тебе говорила: дым впитывается в обои и книги, а потом все это пропитывается гарью. Не по-хозяйски это, знаешь ли.

— Я понимаю, Мэгги, просто сейчас было нужно сосредоточиться. Вот и прикурил для ясности мыслей.

— Понимаю, понимаю, но я тебе скажу честно — такой дым не только мебели вредит, но и здоровью, и тебе, и мне… И все наши гости это чувствуют. Надеюсь, в следующий раз обойдешься без этого привычного тебе дурного тона.

— Хорошо, Мэгги, обещаю — впредь постараюсь обходиться без сигар здесь.

— Вот и славно, сынок. Сейчас принесу эти твои документы. Ох, столько мороки, опять уезжаешь? — За долгие годы работы в моем доме она уже и сама стала детективом, укрыться от нее было почти невозможно, как и что-то утаить. — Надеюсь, найдешь там то, что нужно.

— Я не надолго. Береги дом и не забывай поливать цветы. — Зацепившись за перила, я развернулся и направился обратно в комнату под ворчание старушки.

— Только осторожно там, и привези оттуда себе уже жену, смотреть на тебя страшно. Да и я не вечная, кто еще будет тебе порядок наводить, уж явно не ты.

В кабинете я заканчивал приготовления, из-за сырой погоды пришлось доставать теплую одежду. Хоть весна и в самом разгаре, из-за проливных дождей холод порой пробирал до костей. В комнату заглянула миссис Хорлоу и положила на комод небольшую пыльную коробку.

— Благодарю, Мэгги. — Я слегка улыбнулся ей, а она в ответ с укором оглядела комнату.

— Хоть раз разрешил бы мне здесь прибраться, я бы навела здесь идеальную чистоту, но нет, тебе этот бардак, видимо, нравится. — Она осмотрела полки, покрытые пылью, и заваленный кофейный столик материалами предыдущих дел. Когда ее взгляд дошел до стены, в глазах показалась нотка печали. — Все еще не убрал… — На стене, увешанной

печатными вырезками из газет и статьями, красовалась фотография убитых девушек с обожженным краем. Я нервно глянул на часы.

— Когда-нибудь уберу, но не сегодня.

— Как знаешь, сынок. — Она посмотрела на меня как мать, но не разочарованная, а наоборот, мягким и сочувствующим взглядом. Глядя на нее, я понимал, что старость никого не щадит, но как и раньше, она гордо держала голову в любой ситуации. С этой же гордостью она заменила мне мать тогда, когда я был слишком молод, чтобы понять.

ГЛАВА 2

Туман висел над водой, обволакивая ржавые якоря и цепи. Человек в шляпе и мантии стоял на краю причала, его

фигура вырисовывалась в свете одинокого фонаря, дрожавшего на ветру. Волны бились о камни, заглушая шаги человека, подошедшего сзади.

— Вы думали, что это так просто, но посмотрите на это сейчас. — Голос за спиной был спокоен, как лезвие бритвы перед ударом.

Мужчина обернулся, лицо исказил страх. Он узнал его, несмотря на темноту и полумрак. Он знал, что тот придет за ним, но не думал, что так рано. Как бы отчаянно он ни хотел выйти из дела, свою часть он обязан возместить и, по выражению лица своего собеседника, — кровью.

— Я сделал все, что вы просили, я вернул долг… Я лишь выполнял приказы! — прохрипел он, отступая к краю.

— Приказы хороших людей не пахнут ядом. Вы оставили слишком много следов, от вас требовалось иное.

Вороньи глаза сверкнули. Мужчина пытался увернуться, собрав силы, делая бросок вперед, от врага. Удар пришелся в затылок — глухой хруст, словно ломалась ветка. Мужчина в мантии рухнул на мокрые доски, кровь растекалась по щелям, сливаясь с водой. Убийца наклонился и проверил пульс. Тишина.

Из кармана плаща он достал револьвер, отблеск от посеребренного орудия пробежал по глянцу воды. Он прицелился в бедро трупа, выстрелил. Звук выстрела потонул в рокоте прибоя. Пуля разорвала плоть, имитируя «предсмертную пытку». Затем встал над телом, наклонил ствол ко лбу. Вто-

рой выстрел оставил аккуратную дыру, но эту боль мужчина уже не почувствовал. Брызги крови ударили в лицо убийце. Он зажмурился, вытирая их платком, что после бросил в воду. В карман мертвеца он аккуратно положил смятый лист с кривоватыми буквами.

Перед тем как раствориться в тумане, убийца поправил цилиндр. Ветер донес обрывки его шепота:

— Сад пополняется…

1880 год. Ноябрь.

Улицы охватила мгла, настолько плотная, что казалось, будто ее можно схватить. Сырость и утренний мороз пробирали до костей, я шел быстро, стараясь сохранить тепло, хотя в доме наверняка также холодно. Переехав совсем недавно, я так и не успел наладить свой быт. «Дом крепкий и теплый, такая цена для него — считай что задаром», — говорили в строительном обществе. Ну да, задаром. Этот дар мне обхо-

дился почти во все мое жалование. Получая всего 2 фунта в неделю, мне пришлось забыть, что такое вкусная еда, а объем работы не дал времени на самые простые вещи, такие как стирка, готовка, да и сам дом после переезда был больше похож на поле боя. Даже соседи начали смотреть на меня косо. Наконец, взойдя на крыльцо, я смог выдохнуть: вот я и в собственном доме, пусть не таком приветливом, но своем, которого у меня никогда раньше не было. За дверью послышался шум. «Неужели я в торопях забыл закрыть дверь?» — сердце заколотилось. За долгие 5 лет работы детективом врагов у меня накопилось достаточно. Обхватив руками дубинку, я аккуратно подтолкнул дверь, и она с предательским скрипом распахнулась. Да, действовать бесшумно никогда не было моим преимуществом. Я двинулся на источник шума, проходя вдоль стены, избегая участков света от утренних лучей, проходивших сквозь запыленные окна. В полумрачном помещении показалась женщина, перебиравшая груду моей грязной одежды.

— Кто вы? И что вы здесь делаете? — резко обронил я, и женщина выронила мою засаленную жилетку, но так и не обернулась.

— Стираю, сынок. А то ваши рубашки скоро сами побегут в участок жаловаться, — со вздохом она приподняла с пола жилет и развернулась лицом ко мне. На ней было потрепанное платье и фартук, рукава завернуты по самые локти, но осанка прямая и даже гордая. Взгляд был острым, словно она

пыталась взглянуть прямо в душу.

— Я Мэгги Хорлоу. Ваша соседка из дома напротив. Миссис Барлоу сказала, что вы детектив и живете как самый настоящий бродяга. Вот я и решила помочь, но дома вас не застала, а дверь была не заперта. Вы уж извините, что я так самовольничала. Грех молодому парню в грязи тонуть. — Ее лицо смягчилось, будто она смотрела на того, с кем давно знакома. Мне стало неловко.

— Я… я не могу платить служанке, я благодарен вам за помощь, но это лишнее. — Наконец опустив дубинку, я выдохнул. Как же я так все запустил? Неужели я стал настолько жалок, что даже соседи это заметили?

— Мне плата не нужна. Я трех мужей схоронила, а детей так и не нажила. Займусь вами, чтобы руки не чесались. Скучно, знаете ли, старушке, а так хоть польза от меня какая-никакая. — Она махнула рукой и указала на стол, где уже дымилась тарелка похлебки. — Ешьте, пока не остыло, а потом расскажете, куда эту дрянь складывать. — И ткнула тряпкой в гору бумаг с делами.

С тех пор она приходила ко мне каждый вечер, помогала по дому, чинила одежду. Я долгое время сопротивлялся ее влиянию, но, несмотря на мои протесты, она все равно продолжала приходить. Вскоре я выяснил, что она вдова полицейского и прекрасно знала нравы улиц, а самое важное — умела хранить тайны.

1881 год. Май.

Вечерний свет фильтровался через занавески, окрашивая комнату в теплые янтарные тона. Я, как обычно, сидел за столом, перебирая бумаги, в то время как Мэгги, по обыкновению, возилась у печи, помешивая гуляш. Запах тимьяна и лука витал в воздухе, смешиваясь с дымком от камина. Я наблюдал, как она, кряхтя, наклонялась, чтобы достать сковороду, и вдруг осознал, как немыслимо одиноким был мой дом до ее появления.

— Мэгги, — начал я, отложив перо. — Вы когда-нибудь думали переехать? — Она обернулась, подняв седую бровь.

— Переехать? Куда это, сынок? В Париж? Я слыхала, там лягушки в меню. Не по мне.

— Нет, — я сдержанно улыбнулся. — Сюда. В этот дом. — Ложка замерла в ее руке. Кастрюля зашипела, и Мэгги машинально сняла ее с огня, не отрывая от меня взгляда.

— Я не нищенка, чтобы милостыню принимать, — сказала она резко, но в голосе дрогнуло.

— Милостыню? — Я встал из-за стола, подошел к буфету и выдвинул ящик. — Вот ваш график: шесть утра — подъем, семь — мои носки стираете, восемь — завтрак, который я не ем… — Я достал связку ключей и положил на стол. — Вы уже живете здесь, Мэг. Просто формально — в соседнем доме.

Она молчала, глядя на ключи, будто они были змеей.

— Вам шестьдесят один, — продолжил я, стараясь выразиться мягче. — А на улице гололед, да и те двое подонков с

рынка все еще рыскают после того, как вы их лопатой от меня отогнали. — Уголок ее губ дернулся. — Комната на втором этаже. Отдельный вход. И… — я потянулся к полке, — …ваш собственный чайник. Чтобы я «случайно» не испортил ваш любимый бергамот.

Мэгги взяла ключ, повертела в руках, потом швырнула его обратно.

— Уборку по субботам сама буду делать. И цветы на окнах — мои. Не вздумайте поливать, загубите.

— И овсянку по воскресеньям, — добавил я, пряча улыбку.

— Овсянку?! — Она фыркнула, хватая тряпку, чтобы вытереть уже чистый стол. — В воскресенье у меня пироги с бараниной. Выжили из ума, детектив.

Она засопела, расставляя посуду в шкаф, но я заметил, как она украдкой провела рукой по ключу в кармане фартука.

— Завтра перевезу свои вещи, — бросила она через плечо. — И чур, мой горшок с геранью на лестнице не трогать. У вас руки как грабли.

Я лишь кивнул, возвращаясь к бумагам, и впервые за долгие годы дом наконец перестал казаться мне просто четырьмя стенами.

1883 год. Сентябрь.

Тусклый свет фонарей едва пробивался сквозь пелену ночного тумана. Воздух был пропитан запахом соленой во-

ды, рыбы и ржавого металла. Я, прижимаясь к холодной стене склада, замедлил шаг, пытаясь уловить звуки среди шума волн, бьющихся о деревянные сваи. Впереди мелькнула тень — высокий мужчина в потрепанном пальто рванул к груде ящиков, укрывавших путь к пришвартованной шхуне.

— Стой! Полиция! — выкрикнул я, но голос утонул в реве гудка дальнего корабля.

Погоня началась. Ноги вязли в лужах смеси воды и мазута, скользя по склизким доскам. Прыжок через оборванный канат, удар плечом о бочку, едкий дым из трубы грузовика — все слилось в адреналиновый хаос. Преступник, казалось, знал доки как свои 5 пальцев. Он петлял между контейнерами, сбивая с пути. Внезапно он исчез за углом, и, резко свернув, я едва не рухнул в черную воду между причалами. Сердце колотилось, в ушах звенело, а в горле встал ком, который словно перекрыл воздух.

— Черт! — Моя ругань улетела куда-то вдаль, скатываясь по гребням воды, когда я заметил, как фигура взобралась по трапу на корабль. Я последовал за ней, цепляясь за поручни. Палуба шаталась под ногами. В темноте блеснул нож — преступник развернулся, замахнувшись. Удар пришелся вскользь, распоров рукав. Я поймал его запястье и выкрутил клинок, но он вырвался и прыгнул за борт. Вода сомкнулась над ним с глухим всплеском.

— Утонул? Или сбежал? — шептал я себе под нос, всматриваясь в пульсирующую темноту. Ответа не было. Только

чайки кричали вдалеке, будто смеялись над моей беспомощностью.

Дверь дома скрипнула, пропуская внутрь. Промокший до нитки, я прислонился к косяку, пытаясь отдышаться. Рукава рубашки были в крови и мазуте, а шинель пахла морем и гнилью.

— Опять влип? — раздался скупой голос из темноты. Мэгги стояла у печи, помешивая дымящийся котелок. Ее седые волосы, собранные в тугой пучок, блестели в свете керосиновой лампы.

— Не влип, — ворчливо сбросив шинель, я прошел глубже в комнату. — Работал.

— Работал? — Она фыркнула, тыча ложкой в мою сторону. — Вижу как. Весь вон в кровище, как черт из преисподней. Садись.

Я покорно опустился на стул. Мэгги, не спрашивая, принесла таз с теплой водой, тряпки и склянку с какой-то едкой настойкой.

— Руку давай, — приказала она, вытирая кровь с разреза. — Опять за тем уродом гонялся? Тем, что с ножом?

— Он убил двоих, Мэгги. Не мог просто…

— Не мог, — перебила она, затянув бинт так туго, что я аж крякнул. — А я не могла спать, пока ты тут по крышам скачешь. Ты думаешь, мне спокойно, когда ты каждый вечер как в последний уходишь? — Я замолчал, глядя на ее морщинистые руки, дрожащие то ли от злости, то ли от страха.

— Прости, — пробормотал я, не поднимая взгляда. Я знаю, что она могла чувствовать, но почему именно ко мне?

— Не «прости», а голову включай, — сунув мне в руки миску с похлебкой, она развернулась и подошла ближе к печи. — Ешь. И спать. Завтра опять побежишь спасать мир. — Я хотел было пошутить, что мир не стоит ее тревоги, но вместо этого ковырял ложкой в миске. Мэгги села напротив меня, взяла мою окровавленную рубашку и принялась штопать дыру от ножа.

— Знаешь, — начала она тихим голосом, — мой покойный муж тоже так делал. Бросался в драку, даже если шансов не было. Пока однажды… — Она замолчала на минуту, дернув нитку. — Пока однажды не остался лежать в овраге. И его никто не искал. Не повторяй его ошибок. — Я кивнул, глотая комок в горле. Похлебка была пересолена, но я доел до конца.

ГЛАВА 3

Темнота промышленного квартала сжималась, как удав. Слепые окна заброшенной фабрики глядели на узкий переулок, заваленный ржавыми бочками и битым кирпичом. Воздух гудел от далекого гула паровых машин, а под ногами хрустели осколки стекла, смешанные с угольной пылью. Мужчина, преследуя силуэт в черном, свернул за угол и оказался в тупике. Стена, сложенная из треснувших плит, преградила путь. Над головой скрипела вывеска с полустертой надписью: «Дж. Харрисон & Ко. Литейный цех. 1872».

Из-за груды обгоревших ящиков вышел убийца. Его плащ сливался с копотью на стенах, а лицо скрывала маска. В руке, аккуратно сжимая револьвер с длинным стволом, подозрительно чистым на фоне грязи переулка. Леденящий ветер проносил листовки, когда два человека стояли лицом к лицу в ожидании хода, будто партия в шахматы.

— Вы вырастили слишком много сорняков, — голос прозвучал хрипло, будто сквозь слой пепла. Убийца сделал ход

и поставил мужчине мат. — Но огонь все очищает.

Мужчина рванулся к выходу, теряя шляпу, но выстрел в бедро сбил его с ног. Пуля ударила в металлическую бочку, оставив вмятину. Он упал на колени, сжимая рану. Кровь сочилась сквозь пальцы, капая на ржавую цепь, валявшуюся под ногами. Его учащенное дыхание было подавлено холодным разумом: это не первый раз, но что-то в нем твердило, что последний. У него не было выбора.

— Земля все помнит, — сквозь боль бросил он, стиснув зубы до такой степени, что десны закровоточили. Убийца приблизился, наступив на его окровавленную руку; он дергался, пытаясь подняться сквозь неумолимую боль, лишь бы рассмотреть эту лицемерную улыбку, что отпечаталась бы в памяти даже после смерти. «Так вот как придет мой конец» — звенело в его голове. Он больше не отвечал нападавшему, не пытался умолять — это было бесполезно. Никто не спасет его, даже те, кого молил о помощи. Оставшись без сил и потеряв много крови, он покорно склонил голову. Второй выстрел разорвал тишину. Пуля вошла в затылок, и тело, будто кукла, упало на булыжник. Глаза закрылись, убийца потащил тело за ногу, оставляя кровавый след на кирпичах.

Он бросил его у входа в соседнюю аллею, где тусклый фонарь освещал вымощенную дорожку. В руку мертвого вложил засохший стебель дурмана. Перед тем как исчезнуть, он сдернул с провода над головой клочок рекламной афиши «Прогресс Гринсайда — 1890!» и бросил ее в лужу крови.

— Следующий сорняк уже прорастает, — прошептал он, растворяясь в дыме из фабричной трубы.

Я продолжил собирать вещи к отъезду, слушая, как Мэгги все еще ворчала про бардак. Наконец, когда она закрыла за собой дверь, я принялся разбирать коробку с документами.

Кожаный переплет, страницы пожелтели, но чернила все еще читались. Отчет о бунте рабочих на доках Льюиса в 1887 году, где погибли 17 человек. Помнится, дело было громкое, никто и не мог предположить, что один из выживших станет настоящим душегубом. Я раскрыл дело, почувствовав запах старой бумаги. Списки погибших, рапорты полиции, сухие сводки. Но на третьем листе мой взгляд зацепился за пометку на полях, сделанную рукой инспектора Грейвза:

«Свидетели утверждают, что подрядчик О`Гарден провоцировал задержки зарплат. Зачем? По чьему приказу?»

В официальном заключении судьи Монтегю значилось:

«Бунт — результат анархистской пропаганды». Но приложенные показания рабочих были вымараны чернилами. Лишь одно уцелело: «Человек в черном плаще обещал Льюису золото, если доки перейдут к „новым хозяевам“».

Новые хозяева, промелькнуло в мыслях, и первая ниточка наконец появилась. Все это очень сильно было похоже на захват собственности, но кто инициатор и кто исполнитель? Если это важный человек, действовать открыто он не мог; так же любопытно, почему все дела так быстро закрывались, избегая очевидных улик. Совпадение. Один раз может быть. Два — это уже не случайность.

Виски начали сжиматься, времени на подготовку осталось мало. Я хотел уже было закурить, но, вспомнив слова Мэгги, я решил не нарываться сейчас на ее ругань. Открыв отчет о вскрытиях тел погибших доктора Блэкмора, в заключительной строке я обнаружил интересную информацию: «У 12 из 17 рабочих в крови обнаружен цианид. Заключение: смерть наступила до пожара». Значит, их убили до бунта… Инсценировка… Они хотели списать все на рабочих и тем самым создали маньяка. Он мстил за рабочих или за себя?

Я взглянул на часы, карета вот-вот должна была подъехать. Я сгреб документы, и из кучи старых бумаг выпал конверт. Я оглядел конверт вдоль и поперек. Адресант Люсиан Грейвз. Адресат Винстан Девоншир. «Письмо так и не направили ему». Я аккуратно открыл конверт и вынул содержимое.

«Они называют это Садом. Земля у канала, где зарыты тела. Они — садовники. А мы сорняки». Что бы это значило…

С улицы доносился крик и ржание лошадей.

— Карета приехала за тобой, сынок! — шаги Мэгги уже приближались к комнате. Я сунул документы в чемодан и достал из ящика Веббли[1], холодный и тяжелый, словно грех, который я носил в душе. Я припрятал его в потайном кармане. На улице промелькнуло солнце — Винтерфилд решил тепло проводить меня. Перед выходом из дома Мэгги дернула меня за рукав.

— На вот, держи. — Миссис Хорлоу протянула мне сверток, обернутый в льняную ткань. Я посмотрел в глаза Мэгги, и те налились слезами.

— Ну что ты, я же приеду, как и всегда. — Развернув сверток, я замер: на ладони лежал карманный нож с рукоятью из темного дерева. На клинке выгравированы инициалы «W.H 1860».

— Это нож моего Вильяма, — она касается гравировки дрожащим пальцем, — муж носил его всю жизнь. Говорил, клинок отводил пули и глупости. — По ее щеке прокатилась слеза. — В день, когда его убили, нож забыл дома… Возьми его.

— Мэгги, я не могу… Это же память о нем. — Я протянул нож обратно ей, но она оттолкнула мою руку.

— Именно поэтому и должен быть у тебя. У меня дурное предчувствие, пусть он тебя защитит. Носи и не теряй. — Ее

взгляд упал на часы, подвешенные на цепочке к моему жилету. — И не думай, что заменю их. Просто чтобы ты помнил: кто-то ждет тебя здесь.

Дверь захлопнулась. Кучер недовольно на меня посмотрел, и как только я разместился в карете, мы тронулись в сторону вокзала. Погода постепенно налаживалась, теплые лучи блуждали по улицам, испаряя влагу с крыш домов и ларьков. Город гудел. Все, словно рой пчел, спешили по своим делам, кружились в непонятном хаотичном танце, выполняя свою работу.

Вокзал Винтерфилда был наполнен грохотом колес и криками разносчиков. «Свежий номер Таймс!» — мальчишка тыкал газетой в лицо даме в кринолине[2]. Я опустил ладонь ему на плечо и купил экземпляр. Вагон первого класса пах маслом для сапог. На сиденье лежала черная перчатка с вышитым шиповником — словно знак, брошенный невидимкой. Я разложил вещи и, пользуясь отсутствием посторонних, принялся дальше изучать дело. Щель в занавеске дрогнула, когда мы тронулись.

За окном мелькали дома, затем фермы, тонувшие в маковом поле. Я достал блокнот и выписал все моменты, которые счел важными в этом деле. В словах маньяка крылась какая-то загадка. Что он имел в виду под садом? Организацию? Группу человек? Может, это конкретное место? Взгляд скользнул по газете на краю столика.

«Смерть Освальда Монтегю! Самоубийство или месть!»

— кричала статья, и я усмехнулся над лицемерием репортеров. «Даже трагедию готовы сделать сенсацией».

Поезд грохотал, выбивая ритм, под который я перелистывал страницы дела 1887-С. Несмотря на бархатные шторы и латунные светильники, вагон казался клеткой. Воздух был густ от запаха табака.

Я облокотился на спинку сиденья, проводя пальцем по фотографии, приколотой к углу папки. На снимке — трущобы Гринсайда: покосившиеся дома, лужи с масляной пленкой, дети с пустыми глазами. В углу кадра, едва различимая, виднелась вывеска: «Сады надежды». Благотворительный приют, находящийся на грани закрытия.

— Садовый призрак… — прошептал я, вчитываясь в отчет Винстана.

Тот самый маньяк, казненный три года назад, родился здесь — в квартале, где «Сады надежды» оказались братской могилой. В деле 1887-С значилось: мать убийцы умерла при родах в приюте, отец — один из рабочих в сапожной мастерской. Мальчик вырос среди трущоб, работал в саду, — писал Винстан. Однако дальше следы обрывались: никаких записей о его жизни, взрослении, работе, знакомых. Словно он стал… Призраком.

Я перевернул страницу. Выцветшая газетная вырезка: «Трагедия в Гринсайде: убийца или жертва системы?». На фото — худой мужчина с впалыми щеками, закованный в наручники. За его спиной полицейские в черных мундирах,

лица скрыты тенью.

Поезд дернулся и нырнул в туннель. В темноте окно стало зеркалом, и краем глаза я увидел за своей спиной тень в цилиндре. Я потянулся к Веббли, готовый принять удар, но свет снова вернулся, а сзади никого не было.

Напротив меня тихо села женщина в черной вуали — ее перчатки были испачканы краской, как у художника. Или у того, кто копается в земле.

«Сад». Словно эхо, оно вертелось в голове. Винстан писал только о трех жертвах: судья Монтегю, инспектор Грейвз, доктор Блэкмор. Все они имели отношение к казни «Призрака». Но что, если маньяк — лишь верхушка айсберга?

Поезд замедлил ход, приближаясь к следующей станции; черная перчатка лежала на сиденье, как приглашение в игру, правила которой я еще не знал.

Остаток пути я провел, вчитываясь в показания свидетелей. Когда поезд завыл, подъезжая к Гринсайду, я спрятал дело в чемодан. Это будет интересное приключение на мою голову.

[1] Веббли — британский револьвер, состоявший на вооружении стран Британского содружества с 1887 по 1963 годы.

[2] Кринолин — это жесткая структура или нижняя юбка, предназначенная для придания платью пышной формы.

ГЛАВА 4

Девушка лет двадцати мчалась по тротуарам старого города, где дождь безжалостно лил с небес. В ее руках трепетала свежая газета, свернутая в трубочку, словно последний оплот среди непогоды. Каждая капля, падающая с небес, смешивалась с ее густыми волосами, которые этой непогодой стали еще более неопрятными.

Она пробегала мимо каменных зданий, в которых отражались огни газовых ламп, и свет мягко освещал влажную мостовую. Шум стоящих на улицах экипажей с треском разбивался о свист ветра, а тучи нависали над городом, придавая всему окружению мрачность. Но в сердце девушки царила лишь одна мысль — поскорей добраться домой, где топится

камин и ждут близкие.

Каждый шаг был полон решимости, несмотря на холодный ветер и дождь, наводнивший ее лицо. Она несла весть, что вновь заставила город содрогнуться. Виновник до сих пор не наказан, и эта нерешенность проходила стрелой ужаса сквозь сердце каждого жителя.

Она думала о том, как каждую неделю новости наполнялись все более мрачными подробностями. Убийца становился все более дерзким. Каждый раз, когда ее близкие смотрели на нее с обеспокоенными выражениями лиц, она чувствовала, как на нее давит неопределенность и тревога.

Тем не менее девушка скрепила газету под мышкой, решив, что не может позволить страху взять верх.

Она пришла домой в сумерках, когда солнце уже скрылось за горизонтом и дом наполнился мягким светом свечей. Переступая через порог, она уловила взглядом едва заметную россыпь соли и поморщилась. Девушка сняла шляпу и повесила пальто на крючок. Вокруг царила спокойная атмосфера, но в душе у нее было беспокойство. В последнем письме от друга, который уехал в столицу, она узнала о смятении, о том, что нужно быть осторожной и беречь себя.

Она подошла к окну, стараясь разглядеть, что происходит за пределами родного дома. На улице слышались шаги прохожих, разговоры, иногда доносились звуки веселья из ближайшего заведения. Но какое-то чувство тревоги не покидало ее.

Горничная отвлекла ее от раздумий.

— Подать вам чай? На улице дождь, вы наверняка промокли. Позвольте высушить вашу одежду. — Девушка снова окинула взглядом улицы, омытые бесконечным потоком дождя, и кивнула горничной. С ее волос по-прежнему капала вода, и эти маленькие слезы неба скатывались по ее белоснежной коже, покрытой мурашками. Она разложила на столе сырую газету, аккуратно расправляя каждый уголок, и тонкие пальцы вновь застыли на свежей статье, которая заставляла сердце трепетать от неизвестности будущего.

Со второго этажа, медленно прихрамывая, спускался мужчина. В потрепанных годами руках он сжимал трубку.

— Папа, зачем вы встали, врач сказал, что вам положен покой, нужно больше уделить времени здоровью.

— Все в полном порядке. Это свежие новости? — Он кивнул на еще сырую газету, и его лоб поморщился, а взгляд стал более мягким, проявляя сопереживание к общему горю.

— Убийство прямо в центре! Да, и еще говорят, что полиция пока не имеет никаких зацепок. Люди в панике. Это пугает. Я всегда думала, что наш город безопасный.

— Мы должны быть осторожны. Ситуация требует внимания.

— В газетах даже публикуют советы, как обезопасить себя. Нужно запирать двери по вечерам и не гулять в одиночку в темное время суток. Где же спокойствие и умиротворение, как это было раньше? Неужели убийцу не найдут?

— Найдут, дочка, обязательно найдут. Но впредь, пожалуйста, будь осторожна, оставайся дома. Вечерние прогулки очень опасны. Хотя высшие чины это не беспокоит. Ты ведь опять собираешься на их бал? — Теперь его лицо поменялось, и тусклый свет от ламп лишь затемнял его нахмуренные брови. Она могла понять его беспокойство, ведь обещала не покидать стены дома до тех пор, пока ситуацию не возьмут под контроль. Однако последнее письмо заставляет ее прийти на тот злополучный бал. Отказаться от приглашения того, кто выше тебя по статусу, считалось дурным тоном.

Мужчина разместил руку на груди, слегка сдавливая хлопковый жилет, и его лицо, серое и осунувшееся, нахмурилось еще сильнее.

— Папа, у вас опять приступ? — Девушка подхватила мужчину под локоть и махнула рукой горничной, которая в тот же миг побежала в комнату за лекарством. Девушка повела отца наверх в его кабинет, и ее сердце билось в тревоге от того, что скоро может настать день, когда она будет сжимать его руку в последний раз.

Поезд выдохнул пар, замерзающий в сыром воздухе. Я спустился на платформу, и дождь тут же принялся стучать по моему цилиндру, словно торопливый телеграфист. Вокруг царил хаос: носильщики в промокших куртках таскали сундуки, дама ругала кучера, а запах угля и гниющей древесины въедался в легкие.

Из тумана вышла фигура в полицейском мундире. Он стоял под черным зонтом, но капли все равно стекали по его щеке, как слезы, которые этот город давно разучился проливать.

— Мистер Кларк? — Голос был гладким, как отполированный гранит. — Лейтенант Джозеф Картер. Мэр поручил встретить вас. — Он протянул руку для рукопожатия. Правый рукав мундира был безупречен, но на левом была потертость у запястья. Я сразу понял, что он левша, хоть он и протянул мне правую руку. Военная выправка, белый воротник, выглаженный так ровно, как не справилась бы с этим ни

одна прачка, детали формы, такие как служебный значок и погоны, отполированы, но чуть припылены, — это говорило о том, что он много времени проводил на улице.

— Лейтенант, — я кивнул, снимая перчатку. — Спасибо, что встретили, погода сегодня не радует. — Картер поправил фуражку и потер рукав мундира безымянным пальцем, значит, нервный тик. На запястье следы от чернил, он что-то писал перед встречей, из-под мундира выглянул край папки с документами, к чему носить с собой материалы дела? Его глаза задержались на моем чемодане, но помощи с багажом он не предложил, что-то ищет? Мысли пробегали, словно поезд, в моей голове.

Мы направились к карете, я слегка замедлил шаг, оценивающе глядя на Джозефа. Фамилия была весьма знакома, и я мысленно пролистывал материалы дела.

— Ваш отец был военным, но служил докером на причале Льюиса, верно? Интересно, что он сказал бы о «Садах надежды» сейчас? — Джозеф замер. Пальцы левой руки сжали зонт так, что костяшки побелели.

— Мой отец умер. От чахотки. — Он резко повернулся, указывая зонтом на выход с платформы. — Карета ждет. В Гринсайде любопытство — роскошь для чужаков. — Дрожь в голосе на слове «чахотка» выдала его. Это ложь. Я прошел рядом с ним, приближаясь к карете.

— Странно. В архивах инспекции записано: Джонатан Картер погиб 14 декабря 1887 года при разгроме бунта в до-

ках. Удушье дымом, не так ли? — Капля дождя упала лейтенанту за воротник. Он не вытер ее.

— Архивы ошибаются. — Лейтенант отдернул рукав и сел в карету. Я последовал за ним.

До Гринсайда оставалось немного. Первое время мы молчали. Лейтенант не смотрел в мою сторону, я же постоянно глядел на часы.

— Вы недавно заступили на службу, лейтенант? В вашем городе редко случаются подобные вещи, многое успели повидать или такое видели впервые? — Он медленно перевел на меня свое внимание, которое всю дорогу было направлено куда-то в сторону; можно подумать, что он разглядывал пейзаж, но взгляд был помутнен. Он явно задумался о чем-то неприятном, что-то сильно его беспокоило. Он снова потер пальцем рукав, и взгляд устремился на мой подбородок.

— Немного. Служба есть служба, со временем такие вещи становятся привычными. — Он словно выдавил это сквозь себя. — Но не думаю, что это вас касается. — Его правая рука непроизвольно дернулась к кобуре. Стреляет правой? Значит, леворукость скрывает, но зачем? Я немного улыбнулся и отвел взгляд.

— Вы теряете время, инспектор. В нашем городе тоже есть хорошие детективы, я бы поручил это им, а не вам. Вы слишком много о себе возомнили, но, как известно, чем выше поднимаешься, тем больнее падать. Вы со мной согласны, мистер Клерк?

— Моя фамилия Кларк, лейтенант, Итан Кларк, прошу запомнить это.

— Не стоит переживать, я запомнил вас. Занимайтесь своей работой и не суйте нос куда не просят. — Эта фраза была брошена сквозь зубы, с неким презрением, касаясь меня лично и моего рода деятельности в целом.

Я достал из-под пальто портсигар. Сидя в темной карете, я ощущал, как мир вокруг таял в тени. Лишь свет тусклой лампы отбрасывал мягкий свет на гладкую поверхность сигары, которая покоилась в моих руках. Я медленно прикурил, и в воздухе появился сладковатый запах дыма. Он, словно облако, окутывал всю карету, создавая атмосферу уюта и спокойствия.

Лошади, фырча, мчали нас вперед, гонимые кучером; стук копыт стал больше похож на шлепанье по размоченной дождем грязи.

Я запрокинул голову и выдохнул последний клуб дыма. Город встретил меня печалью и унынием, словно само небо страдало по ушедшим. Мокрые мощеные улицы петляли и сужались, в домах изредка горел свет, и люди, расслышав шум приближающегося экипажа, начали закрывать ставни. Приветливы были только огни горелок, что обдавали теплым светом улицы и редких прохожих, стремящихся унестись прочь. Карета остановилась возле трехэтажного здания из темного песчаника. Вычурные неоготические арки окон напоминали скелеты гигантских летучих мышей. Штукатур-

ка осыпалась, обнажая местами кирпич, где когда-то были балконы. По стене полз зеленый плющ, слегка затрагивая кованную вывеску «Отель Гроув».

Лейтенант толкнул дверцу кареты.

— Приехали. К девяти вас ждет мэр. И совет: не гуляйте одни ночью. В тумане легко… утонуть. — Карета скрылась, меня охватил дождь и холод. Я приоткрыл дубовую дверь с витражом в виде орхидеи — когда-то алой, ныне выцветшей до грязно-розового. Под порогом глухо хрустнула керамическая плитка с трещинами. Мужчина достаточно пожилого возраста вышел из-за стойки и приветливо улыбнулся. Его пиджак висел на нем, как на вешалке.

— Вы, наверное, и есть инспектор Кларк? — Неторопливо он подошел ко мне, и мы пожали руки.

— Да, все верно. Рад знакомству.

— Я вас ждал. Добро пожаловать в мой отель. Я Грегори Андерсон, хозяин этого заведения. Как дорога? Уже успели насладиться видами нашего города? — Он оперся на трость, его взгляд был пустым, лицо осунувшееся. Судя по всему, человек был болен.

— Благодарю вас за беспокойство, путь был неблизкий, однако пока полюбоваться окрестностями не представилось возможным, но это ненадолго. Для меня большая честь быть встреченным самим владельцем. — Мой взгляд метнулся к лестнице, где проплывала фигура босой девушки. — Могу я пройти в свою комнату?

— Ох, ну конечно, только учтите — после десяти тишина, наши гости спят чутко. Ваша комната №7, отдыхайте. — Он похлопал меня по плечу, я поднял чемодан и внес его в комнату.

Она была просторная, на окнах висели портьеры пурпурного оттенка. У стены располагалась кровать с железной спинкой с орнаментом в виде сплетенных змей. Стол из темного дуба у окна, на котором одиноко стояла керосиновая лампа с закопченным стеклом. Я шагнул ближе к кровати, половицы скрипнули под моими ботинками. Оставалось мало времени, чтобы подготовиться к встрече с мэром. Я сбросил сюртук, и облако пыли взметнулось в луче горелки. Я провел здесь так мало времени, а этот город уже въелся в легкие. Я достал подготовленные вещи из чемодана. Зеркало в дубовой раме уже ждало меня, как старый следователь.

Стекло в пятнах ртути, будто заплакало от того, что увидело; я вздохнул, поправляя выглаженный фрак, пальцы быстро перебирали пуговицы. Лицо, словно бледная маска, с острыми скулами. Я подтянул кожаный ремень с Веббли и рядом засунул складной нож, вспомнив переживания Мэгги. Часы тихо тикали в кармане. Карие глаза смотрели на меня по ту сторону зеркала и не узнавали. «33 года, а выгляжу словно старик; Мэгги действительно права, на меня страшно смотреть». Щетина подчеркивала острый подбородок, прибавляя мне возраста, а смоляные волосы придавали мне мрачный вид. Я провел пальцем по трещине на стекле,

что рассекало мое лицо надвое. Слева — детектив Кларк, верящий в протоколы и добро, справа — незнакомец с глазами висельника, готовый перерезать горло во имя правды.

За спиной мелькнула тень, я резко развернулся, и рука невольно потянулась к Веббли, но никого не было. Видимо, я устал. За стеной послышался сдавленный кашель, я посмотрел на часы и покинул комнату, погасив лампу.

ГЛАВА 5

Той ночью Гринсайд выл, как раненый зверь. Ветер, продираясь сквозь узкие улочки, выл в трубах и срывал ставни, а снег, колючий и плотный, слепил глаза. Дорога на север, к фамильному поместью, превратилась в ледяной ад. Карета с гербом в виде ястреба, впившегося когтями в скалу, ползла

по обрыву, словно жук по стеклу. Лошади, покрытые инеем, фыркали, выбивая копытами ритм отчаяния.

Внутри, обложившись мехами, сидел хозяин. Его пальцы, украшенные перстнями с темными камнями, нервно перебирали трость — ястреб на набалдашнике сверкал хрустальным глазом. Он ненавидел эту поездку, но письмо, доставленное накануне, не оставляло выбора: «Ваши тайны прорастут под снегом. Встретимся у Черной скалы».

Кучер с лицом, изуродованным шрамом от виска до подбородка, хлестнул лошадей. Карета дернулась, колеса скользнули по насту.

— Тише, болван! — крикнул лорд, но ветер вырвал слова и унес в пропасть.

Перед поворотом, где дорога сужалась до тропы, кучер вдруг рванул вожжи влево. Лошади взвились на дыбы, и карета, с грохотом сорвавшись с оси, накренилась. Лорд успел вскрикнуть, схватившись за поручень, но было поздно. Деревянный корпус, словно скорлупа, треснул, ударившись о выступ скалы. Лошади, перепутав упряжь, рухнули вниз, увлекая за собой обломки.

Он летел в тишине. Секунда — и мир перевернулся: лед, камень, вой ветра. Его выбросило из кареты на снег, покрытый плотной коркой льда. Он все еще был жив. Отчаянное ржание лошадей глушило его хрип. Изо рта текла кровь, ребра, сломанные от удара, воткнулись в легкие, наполняя их густой жидкостью. Его сознание не сразу сообразило, что

произошло. Боль накатывала постепенно, своими волнами, доводя до агонии. Шуба, пропитанная кровью, вдавила его в снег, словно в ловушку. Он чувствовал этот вес, чувствовал боль, холод, ломоту костей. Глаза тускнели, веки закрывались. У него не было сил кричать. Каждый вздох давался с усилием. Он в последний раз взглянул вверх, на свинцовое небо, что казалось бесконечным, и лишь в одном месте острой гранью проходил обрыв. На нем стоял кучер, тихо и неподвижно, словно статуя, а затем исчез, как и то, за что лорд боролся оставшиеся годы… После не было ничего — только холод и тишина, оставившие его застывший труп без души, без цели, без идеи.

Улицы были на удивление практически пусты, лишь редкие экипажи проносились, орошенные каплями дождя. Он хлестал по окнам кареты, словно пытаясь смыть меня обратно в Винтерфилд. Однако, проехав немного дальше, до меня

донеслись первые оживленные звуки и даже музыка. Она исходила из дома, представлявшего собой внушительное здание, которое отражало статус и богатство его владельца.

Величественное здание мэра, стоящее в самом сердце города, словно хранило в себе дыхание истории. Я мог представить, как в эти стены некогда собирались жители города, обсуждая важные вопросы и празднуя достижения. И даже сад, окружающий дом, казался полным жизни. Его зелень и цветочные композиции служили идеальным фоном для встреч и торжеств, несмотря на непогоду.

Карета остановилась у входа, где монументально расположились колонны цвета слоновой кости. Я накинул шляпу и пальто и не спеша вышел из кареты. Меня окутала прохлада и сырость, а одежда мгновенно покрылась моросью, но все же зонт я оставил нераскрытым.

Дверь со скрипом открылась, и меня встретил просторный зал с высокими потолками и воздух, наполненный атмосферой торжественности. Антикварная мебель напоминала не только о том, сколько мастеров трудилось над созданием этого произведения искусства, но и о том, какими заслугами было получено все это великолепие нынешним мэром. Да, в этом доме скрыты тайны и воспоминания, и каждая его деталь заслуживала моего интереса.

Послышались шаги, что эхом разносились вокруг, и напротив меня появился импозантный мужчина в возрасте около 50 лет. Бархатный камзол цвета запекшейся крови си-

дел на нем вплотную. Его походка была уверенной, а плечи широко раскрыты; на лице, что пряталось за седоватыми усами и бородой, красовалась улыбка, но его взгляд выдавал нечто иное.

— О, вы наконец добрались, рад встрече. Я — мэр Роберт Хэллтон. Прошу вас, проходите, я так наслышан о вас и вашей работе. Может, чаю или желаете что-то покрепче? — Двумя руками он символично пожал мою ладонь и опустил взгляд. Лишь изредка он всматривался мне в глаза с натянутой, на добром слове, улыбкой.

— Не думаю, что я заслужил столько внимания, я обычный гость, как и все здесь присутствующие. — Запах ударил мне в нос, словно где-то я его уже чувствовал. Миндаль или что-то химическое… Цианистый калий? Или просто дорогие духи? Он подал знак лакею, и тот протянул мне бокал шампанского. Пузырьки поднимались, как души утопленников.

— Выпьем за ваш приезд. — Мэр поднял свой бокал. Я кивнул, слегка пригубив напиток. Вкус как у обычного шампанского, яда нет.

— Ночь сейчас — самое опасное время, — помедлил я, — однако бал устроить это не остановило. Зачем в столь смутное время устраивать подобные вечера, подвергая молодых людей опасности? — Я снял перчатку и достал из кармана часы; я действительно устал, что говорю, не задумываясь о последствиях.

— Мистер Кларк, понимаю вас, но бал для того и существует, чтобы хоть немного заглушить панику. Если давать людям только плохие новости, ничего доброго не выйдет. Поверьте, безопасность жителей для меня превыше всего. Мы следим за ситуацией. — Я сделал глубокий вдох и снова окинул взглядом зал; звуки музыки перебивали слова мэра. Машинально я потер шею и обратился к Хэллтону.

— Скажу прямо: ход вашей мысли мне не близок, однако я соглашусь с тем, что сегодня нужно отдохнуть. — Улыбка мэра слегка спала, но он тут же пришел в себя, не давая эмоциям выйти наружу.

— Хорошая мысль, инспектор. Прошу вас, присоединяйтесь к нашему скромному торжеству, сегодня благотворительный аукцион.

— Не в силах вам отказать, хоть и такие изыски не для меня. — Я приподнял шляпу и отправился на зов чарующей музыки, побуждающей всех двигаться в определенном ритме.

Пройдя через глухие двери зала, я потерялся в море блеска и роскоши. Бальные платья, смокинги, мерцание люстр — все это контрастировало с моей задачей. Но я был здесь не для веселья.

Мой взгляд скользил по танцующим парам, анализируя каждое лицо. За смехом и музыкой пряталось нечто более темное. Я внимательно изучал гостей: кто слишком развязен, кто настороженно наблюдал, а кто, казалось, скрывал некую

тайну.

Словно в тени, я сдержанно передвигался между столиками, втягивая в себя запахи дорогих вин и экзотических закусок, но мысль о расследовании не покидала меня. Где-то здесь мог быть ключ к разгадке; возможно, кто-то из высокопрофильных гостей стал свидетелем — или даже участником — преступления.

Упустив волнение и легкость вечера, я знал: главная задача — разобраться в этом клубке тайн, пока изящные балы не стали очередным местом трагедии.

Движение слева привлекло мое внимание — лакей, неся перегруженный поднос с бокалами, пошатнулся. Кристально чистое вино — охлажденное шардоне — хлынуло на полированный паркет, растекаясь маслянистым золотым озером. Именно в этот момент она появилась из-за пальмы в кадке[1]. Стройная, в платье оттенка пыльной розы, простой шелк, без вышивки, она спешила, глаза опущены в пол, будто пыталась стать невидимкой. Ее туфля ступила прямо в лужу вина. Кожа на подошве скользнула, тело неестественно накренилось назад. Руки инстинктивно взметнулись вверх — жест падающей птицы.

Я двинулся раньше, чем подумал. Два широких шага — и моя рука обхватила ее стан, крепко, но не грубо, чуть выше талии. Я поймал ее за миг до того, как спина коснулась бы мокрого паркета. Время замерло. Она застыла в моих руках, легкая, как перо, глаза — широко распахнутые — устреми-

лись на меня. В них не было страха, лишь чистая, животная растерянность. Запах лаванды и свежего льна ударил в ноздри. Я слегка улыбнулся:

— Кажется, шардоне сегодня особенно коварно. Не пострадали? — Я помог ей выпрямиться, аккуратно убирая руку. Ее пальцы дрожали, когда она поправляла сбившуюся прядь каштановых волос. Ее голос сорвался на полуслове, но при этом был мелодичен.

— Я… я цела. Благодарю вас, мистер…?

— Кларк. Итан Кларк. А вы…? — Она глубоко вздохнула, ее глаза цвета весенней листвы в лучах яркого солнца смотрели словно в душу.

— Николь. Николь Андерсон. Дочь хозяина «Гроува». — Ее взгляд скользил по моей одежде, она смотрела, словно оценивала меня. — Вы случайно не гость моего отца?

— Скорее, гость обстоятельств. Интересуюсь неприятностями в вашем городе. — Я поклонился, подражая манерам аристократов. — Мисс Андерсон, вино на полу — знак свыше. Позвольте компенсировать его коварство? — Я протянул руку в сторону танцпола, где оркестр заиграл неспешный вальс. — Один танец? Гарантирую, под моим присмотром паркет обретет устойчивость. — В ее глазах мелькнуло что-то: удивление? Насмешка? Или просто проблеск жизни?

— Мистер Кларк, после такого спасения… Отказаться было бы верхом неблагодарности. — Уголки ее губ дрогнули в улыбке. Она положила свою маленькую ручку в мою

ладонь. Кружевная перчатка была тонкой, и я почувствовал тепло кожи сквозь нее. Мы вышли на паркет. Я повел ее уверенно, но без напора. Она следовала легко, ее шаги были естественны, грациозны, несмотря на недавний испуг.

— Признаюсь, мисс Андерсон, я ожидал увидеть в дочери владельца «Гроува»… более яркую птицу в этой золотой клетке. — Я мягко повел ее в повороте, уклоняясь от пары. Николь издала легкий смешок.

— Розовый шелк — мой бунт, мистер Кларк. Отец настаивал на пурпуре. Я же предпочитаю сливаться со стенами. — Ее взгляд скользнул по переливающимся платьям дам.

— Ошибка. На фоне всей этой мишуры… ваша скромность сияет. — Я почувствовал, как ее хрупкие пальцы сжали мое плечо. — А «Гроув»? Это ваш дом?

— Дом? Скорее… лабиринт с очень занятым Минотавром. Отец редко выходит из кабинета. — Ее голос стал тише и задумчивее. — А вы, мистер Кларк? Явно не местный. Какие ветра занесли вас к нам?

— Ветер, что шелестит листьями в садах… где людям больше не гулять по ночам. — Едва заметная тень пробежала по ее лицу. — Вы слышали о… происшествиях? — Ее взгляд стал осторожным.

— Гринсайд — маленький город, мистер Кларк. Здесь все все слышат. Но правда… часто тонет в шепоте. — Немного помявшись, она резко перевела тему. — Ваш вальс безупречен. Вы часто спасаете дам от падений и приглашаете их тан-

цевать? — Я усмехнулся.

— Только тех, кто падает с грацией и носит розовое вопреки воле Минотавра. — Ее глаза блеснули искоркой от танца.

Мы продолжали кружиться по залу, музыка уносила нас все дальше от реальности. Но мелодия вскоре сменилась, и ритм танца остановился. Я поклонился леди, провожая рукой, пока наши пальцы не разъединились.

— Благодарю вас, мистер Кларк. За руку… и за танец. Вы сделали этот вечер… менее предсказуемым. — Она сдержанно присела в легком реверансе.

— Взаимно, мисс Андерсон. Надеюсь, «Гроув» позволит нам встретиться вновь? Без экстренных спасательных операций? — Я поклонился в ответ, и улыбка снова коснулась ее губ.

— Возможно. Доброй ночи, мистер Кларк.

Она растворилась в толпе, скользя между гостями, как тень. Я поднял глаза. На паркете, где она поскользнулась, осталось лишь бледное пятно от вина и крошечная, почти невидимая жемчужная пуговица от ее перчатки. Я поднял ее, рассматривая. Она была теплой.

Многие из гостей уже направлялись домой, поэтому мой уход не показался бестактным. Музыка стихала, приглушаемая звуками шагов, зал оставался все дальше за спиной. Я вышел на улицу и остановился под портиком, чтобы не намокнуть. Погода не на шутку разозлилась, дождь лил сплош-

ным потоком, ограничивая видимость. Кареты разъезжались в разные стороны, рассекая глубокие лужи, а лошади, нещадно измученные холодными струями воды, продолжали фырчать, выпуская из ноздрей пар.

Решив перед дорогой перевести дух, я достал сигару и закурил, наблюдая за проходящими мимо гостями. Кто-то просто в спешке пробегал к карете, кто-то отдавал знак приветствия, снимая шляпу, а затем скрывался в потоке воды, прикрываемый зонтом. Вот показалась знакомая фигура. Николь вышла из-за дверей и раскрыла зонт, край которого зацепился за куст дикой розы, растущей возле возвышающихся колонн. Девушка попыталась его вытащить, и зонт вывернулся в обратную сторону. Со злости она швырнула его дальше в кусты и сложила руки на груди. Наблюдая за этой картиной, я невольно улыбнулся и затушил сигару.

— Позвольте вам помочь? — Я подошел ближе и кивнул в сторону сломанного зонта.

— Ах, это снова вы. Я буду вам очень признательна. — Ее буйный нрав тут же сменился кротостью, и она сложила руки на платье. Я аккуратно достал из кустов зонт и сложил его, насколько он мог мне позволить.

— Неужели вы собрались идти домой пешком? Для меня будет честью сопроводить вас. — Николь слегка дрожала от холода, ее миниатюрное тело казалось еще крошечнее на фоне колонн.

— Что ж, раз нам с вами по пути, то я не откажусь от руки

помощи.

— Тогда прошу вас. — Я пропустил девушку к карете и открыл ей дверь. Оказавшись внутри, нас обволокло приятным теплым освещением от лампы, открывавшим только очертания наших лиц. — Я встретил вас уже во второй раз, может, это судьба?

— Кто знает. Я искренне рада встретить вас снова. — Улыбка осветила этот угрюмый вечер. — Так, значит, вы тот самый инспектор?

— Мне удобнее, если меня называют «детектив». — Я снял шляпу и положил рядом с собой.

— Детектив? Значит, вы приехали сюда, чтобы расследовать дело о серийном маньяке?

— А вы весьма проницательны, маленькая леди. Верно, я здесь, чтобы найти и наказать виновника этого кошмара.

— Я надеюсь, что это случится как можно скорее: люди живут в страхе, многие покидают город, так как считают, что здесь небезопасно.

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах. — Оставшееся время мы говорили о книгах, о последних новостях из столицы и про ситуацию с бастующими. Разговор был светский, но он был приятен и весьма уместен. Так, за разговором, мы добрались до отеля, где нас уже ждали. Карета медленно остановилась у изгороди, и навстречу вышел мистер Андерсон с трубкой в руке. Другой рукой он опирался на трость и медленно перебирал ногами.

— Николь, слава Господу, ты в порядке, я начал переживать. Благодарю вас, мистер Кларк, что привезли ее. — Мы вошли внутрь, служанка позаботилась о нашей одежде и проводила меня до комнаты. Уставший, я сел за письменный стол, задумавшись над тем, кого мне удалось сегодня встретить. Мэр — та еще темная лошадка, и узнать его тайны я хотел как можно быстрее. Дождь безжалостно бил по окнам; я вынул из кармана часы, заметив, что до рассвета осталось всего пару часов. Времени отдохнуть уже почти не осталось, и бессонная ночь сказывалась на моем состоянии. Я переоделся и расположился на кровати, где меня моментально настиг сон, и мысли о новом дне и делах меня уже не беспокоили.

[1] Кадка — бочка с прямыми боками и одним дном.

ГЛАВА 6

Коридор казался бесконечным. Высокие, темные панели из полированного дуба поглощали скудный свет газовых рожков, превращая его в длинный тоннель, уходящий в зловещую непроглядность. Его шаги гулко отдавались по каменной плитке пола, каждое эхо — словно удар молотка по наковальне его собственного черепа. Тук. Тук. Тук. Звук предательский, громкий, кричащий о его присутствии там, где он теперь был лишним, чужим, отмеченным незримым клеймом.

Он шел, стараясь держать спину прямой, подбородок — высоко. Маска нормальности. Но внутри все было сжато в тугой, болезненный узел. Живот скручивало спазмами тошноты, холодный пот стекал по позвоночнику под плотной шерстью сюртука, несмотря на прохладу коридора. Ладони в перчатках были влажными. Он сжал их в кулаки, впиваясь ногтями в кожу, пытаясь ясностью физической боли заглушить адский гул в голове.

Они не знают. Они не могут знать. Мысль билась, как пойманная муха, о стекло сознания. Он ловил взгляды портретов, висящих на стенах. Строгие лица предков, важные чиновники в мундирах — их нарисованные глаза, казалось, следили за ним. Осуждали. Видели сквозь тонкую ткань лжи прямо в червоточину души. Он отвел взгляд, уставившись на трещинку в плитке перед собой. Маленький изъян в идеальной поверхности. Как и он сам теперь. Испорченный. Сломанный.

Сделанное обрушивалось на него тяжестью, невыносимой, удушающей. Это не был просто поступок. Это был разлом. До и После. Мир, каким он его знал, — упорядоченный, предсказуемый, возможно, лицемерный, но «его» мир — рухнул в одно мгновение, оставив после себя лишь гулкую пустоту и этот леденящий ужас. Ужас не перед возможным наказанием (хотя и он был, острый, как нож), а перед знанием. Знанием того, на что он оказался способен. Какой темноте открылась дверь в его душе.

Он хотел кричать. Хотел остановиться посреди этого бесконечного коридора, упасть на колени и выкричать правду в каменную тишину. Пусть слышат все. Пусть придут, схватят, уволокут — лишь бы избавиться от этого груза, от этой жгучей кислоты, разъедающей его изнутри. Но ноги несли его вперед, автоматически, механически. Инстинкт самосохранения сильнее мук совести. Голос разума, холодный и расчетливый, шипел: «Молчи. Держись. Никто не видел. Никто

не докажет. Но если скажешь — конец. Всему».

Воздух в коридоре казался густым, как сироп. Тяжело дышать. Каждый вдох обжигал легкие. Он ловил собственное отражение в темном стекле высокого окна — бледное лицо-маска, глаза огромные, полные немого ужаса. Чужое лицо. Лицо человека, который теперь жил с тайной. С грехом, который не смыть.

Как жить дальше? Мысль была невыносимой. Как просыпаться каждое утро, одеваться, разговаривать, улыбаться, зная это? Как смотреть в глаза тем, кто доверял? Любил? Как дышать одним воздухом с невинными, когда сам он… Он сглотнул ком, вставший в горле. Горечь. Горечь и страх.

Впереди показалась дверь. Его кабинет. Убежище? Или клетка? Место, где он будет заперт наедине со своими мыслями, с этим всепоглощающим ужасом и леденящим душу чувством вины, которое уже никогда не отпустит.

Он замедлил шаг. Рука, тянувшаяся к медной ручке, дрожала. Тук. Тук. Тук. — эхо его шагов все еще висело в воздухе, смешиваясь с бешеным стуком сердца. Эхо его поступка. Оно будет преследовать его всегда. В этом коридоре. В этой комнате. В каждом тихом уголке его жизни. Он знал это с ледяной ясностью отчаяния.

Он глубоко, судорожно вдохнул, пытаясь втянуть в себя хоть каплю прежней уверенности, прежней невинности. Не получилось. Воздух был пропитан пылью, запахом воска и… страхом. Его собственным страхом.

Пальцы сжали холодную ручку. Повернули. Дверь открылась с тихим скрипом, звучавшим в тишине как вопль. Он переступил порог, входя не в комнату, а в новую, бесконечно более страшную реальность своей жизни. Реальность, где самым ужасным было не то, что он совершил, а то, что ему придется молчать об этом. Вечно. Или до тех пор, пока молчание не разорвет его на части.

Дверь закрылась за ним с глухим щелчком, отсекая его от внешнего мира, но не от чудовища, которое он теперь носил в себе. Коридор остался пустым, поглотив последнее эхо его шагов. Осталась лишь тишина, тяжелая и многозначительная, хранящая его страшную, невысказанную тайну.

Мои глаза встретили редкое для Гринсайда явление. Комната была наполнена теплым солнечным светом, и лучи, попадая на лампу, что за ночь успела остыть, преломлялись сотней огоньков, рассеиваясь на стенах комнаты. Кажется,

пора собираться в полицейский участок: меня уже ждала кипа дел и целый узел новых загадок этого города. В дверь раздался стук.

— Мистер Кларк, вы уже проснулись? Позвольте пригласить вас к завтраку.

— Благодарю, мадам, сейчас спущусь.

Я в спешке оделся, стараясь не упустить время завтрака, ведь там я могу опросить людей о многих новостях этого города и, возможно, найти что-то полезное.

Наконец я расположился за столиком отеля, наслаждаясь утренним кофе. Мой собеседник, хозяин отеля, мистер Андерсон, с восторгом рассказывал о жизни в этом тихом уголке, а его дочь, Николь, прелестно улыбалась, помогая разливать чай по фарфоровым чашкам.

— Какое прекрасное заведение вы создали, мистер Андерсон! — произнес я, стараясь загладить напряжение, которое витало в воздухе. — Ваши гости, должно быть, чувствуют себя как дома.

— Спасибо, инспектор Кларк, — скромно ответил он, обводя взглядом уютный зал. — Мы стараемся. Но, к сожалению, даже в нашем мирном городе случались и непростительные инциденты…

Я слегка наклонился вперед.

— Можно ли узнать больше об этих происшествиях? — Зная, что мой вопрос мог только усилить напряжение, я все же решил его озвучить, ведь эту тему начал сам собеседник;

поэтому я поднес чашку ко рту, запах цикория прокатился волной по легким. Я расположился поудобнее, пытаясь выглядеть невинным и заинтересованным.

Николь, будто вздрагивая, бросила быстрый взгляд на отца, а тот стиснул руки на столе.

— Что касается случайностей, мы все знаем, что где-то рядом всегда таится тень. Но мы стараемся не заострять на этом внимание, хотя многих в городе это привело в ужас. Многие из наших знакомых уже покинули город, а приезжих все меньше, как и желающих остаться в отеле. — Он приступил к завтраку, стараясь замять тему, которую сам же и начал. На столе стояла ваза с цветами, их аромат наполнял комнату, прикрывая кислый запах постоянно мокрой древесины.

— Эти цветы так прелестно пахнут. Говорят, судья Монтегю коллекционировал редкие цветы? Вы были с ним знакомы? — Грегори закашлял в кулак.

— Освальд? Да, было время, когда мы играли в покер. Он выращивал орхидеи в своей оранжерее. Давно это было. Оранжерея уже много лет не принадлежит ему.

— Согласно статистике, 67% убийств совершаются знакомыми. Вы часто бывали у него? — Лицо Грегори побледнело. Николь подошла к нему, окинув меня недовольным взглядом.

— Бывал, наши семьи были близки. Неужто вы меня подозреваете в… в убийстве? — Он ткнул вилкой яичницу, и

желток растекся по тарелке.

— Ни в коем случае, это было бы верхом неуважения. Примите мои соболезнования. Уход из жизни близкого друга — это… большой удар. Мистер Андерсон, в таких терзаниях действительно полезно иметь доброго друга, способного разобраться в путах неведомых злодейств. Как вы полагаете, кто может быть этим другом? — Он замер, его лицо стало совсем бледным.

— Дорогой мой, в этих делах доверять можно лишь самим себе, — произнес он с нервной усмешкой, но в его глазах мелькнула искорка тревоги.

— Папа устал. Простите. — Ее пальцы задрожали, когда она поправила его плед. — Если вас беспокоят такие вопросы, то спрашивайте у меня.

— Прошу прощения за свою бестактность. — Я приподнялся, поправив жилет. — Благодарю за завтрак.

В этот момент я понял, что за завуалированными фразами скрывается нечто гораздо большее. На столе стоял не только завтрак, но и чаша, полная замешательства и секретов, которая только ждала, чтобы ей придали форму. Я понимаю, что здесь каждый был уверен в своем праве хранить тайны. Но только не со мной. У меня на все слишком мало времени.

Я мягко ретировался из ситуации, прихватив с вешалки шляпу. На выходе меня остановила Николь.

— Погода сегодня и вправду радует, — она взглянула на улицу, проходя взглядом по еще не высохшей мостовой,

освещенной солнечными лучами. Этот свет падал на ее бледную кожу, и только поля шляпы скрывали от этих лучей ее глаза, полные печали. Черты ее лица стали мягче, чем ранее за столом. — Думаю, это к добру, а вы как считаете?

— Я просто восхищаюсь этим великолепным солнечным светом. Но, к сожалению, я вынужден заниматься менее увлекательными делами. Расследование, как вы понимаете, не всегда проходит под сиянием солнца.

— Наверное, ваша работа весьма увлекательна. Раскрывать тайны, решать загадки, меня такое всегда влекло. Но почему же вы один, разве вам не нужна помощь? — Николь, смутившись, опустила взгляд и ласково прикоснулась к цветку на клумбе рядом с домом.

— За ваше беспокойство я весьма признателен, маленькая леди. Однако, как правило, в моих делах требуется стойкость и умение сохранять тайну. Я должен оставаться в тени, подобно этим цветам, которые расцветают лишь при должном внимании. — Девушка немного задумалась, а затем ответила, сверкнув улыбкой.

— Но иногда, чтобы найти истину, нужно отважиться вырваться из тени, не так ли? Иногда яркий свет может указать нам на тайны, которые мы хотели бы разгадать.

Солнечный ветерок прошелестел сквозь деревья; кивнув в знак согласия, я поправил шляпу и спешно направился в здание суда, оставив девушку без должного ответа. Я чувствовал ее взгляд на спине, но, к сожалению, она не тот че-

ловек, с кем мне нужно делиться тягостями моей работы.

Главные двери с тяжелыми медными ручками манили войти, и, подойдя ближе, я отметил, как они отражают строгую красоту этого места. Зайдя внутрь, я оказался в просторном вестибюле, где эхо моих шагов разносилось по высокому потолку. Солнечные лучи проникали через большие арочные окна, играя на полированном деревянном полу. Я чувствовал, что нахожусь в месте, где время словно остановилось, а история правосудия жила в каждом уголке.

Рядом со мной пробежался молодой парень лет 20–23 с толстой папкой в руках. Наручники на его ремне звенели, ударяясь друг о друга, и этот звук сопроводил меня до самых дверей кабинета инспектора Флемминга.

— Доброе утро, инспектор. — Строго произнес я и закрыл за собой дверь.

— И вам того же. Что привело вас сюда, господин… э-э. Хотя это не важно, часы приема еще не начались. — Его безразличный взгляд слегка окинул мою форму и задержался на чемодане.

— Вас должны были оповестить. Я детектив Итан Кларк из Винтерфилда, член инспекции. — Отчеканил я, поставив чемодан на пропыленный паркет.

— Да точно, вы приехали к нам с аудитом. Ну, и что вас интересует здесь, хотите проверить папки с делами прошлых лет? — Зевнув, инспектор сложил руки перед собой и со скучным видом посмотрел на меня.

— Да, но не сейчас… Теперь меня интересует нераскрытое дело совсем недавнее, о том самом маньяке. Любопытный случай, хотелось бы взглянуть своими глазами и заодно выполнить свой долг как инспектора. Мне необходимо получить разрешение на осмотр трупов. Неопределенность их смерти также вызывает обеспокоенность Комиссии. Только осмотр и никакого физического контакта с усопшими.

— Как скажете, но мой вам совет: если вы имеете скрытые мотивы в этом деле, то будьте добры предоставить это нам, а не решать все самостоятельно. Это далеко за гранью вашей компетенции. — Я кивнул, и инспектор махнул рукой одному из помощников. Тот принес ему листок, на котором инспектор что-то неаккуратно начеркал пером, затем стукнул печатью и протянул мне. — Надеюсь, этого вам хватит.

— Этого достаточно, благодарю. — Выйдя из кабинета, я быстро пробежался по выцарапанным буквам, запоминая каждый штрих, каждую черту, наклон, нажим; почерк был сложным, однако подделать его было все же возможно. На что и был мой расчет.

Холод подвала участка пробирал до костей. Он был иной, не как на улице в декабрьское утро. Этот холод был сырым, застойным, пропитанным запахами, от которых сводило скулы. Резкая нота карболки билась в ноздрях с тяжелым, сладковато-гнилостным шлейфом, который ничем нельзя было перебить до конца. Где-то монотонно капала вода, эхо шагов гулко отдавалось по каменному полу. Газовая лампа у входа

коптила, отбрасывая тени на грубо отесанные стены. Каждый шаг отдавался в висках. Я шел по этому коридору смерти к двери с надписью: «МОРГ. ВХОД ВОСПРЕЩеН».

Дверь, скрипнув, открылась, и в нос ударил приторный и резкий запах формалина. Он не скрывал трупный запах, а скорее усиливал его и без того тошнотворную вонь. Около стола стоял доктор, замерзший, как один из своих подопечных, в длинном, когда-то белом, а ныне сером халате. Лицо его при свете единственной горелки над каменным столом было землистым, глаза — усталыми и настороженными. Его руки нервно перебирали какую-то бумагу.

— Здравствуйте, доктор. Меня зовут Итан Кларк, я здесь для осмотра трупов. — Протараторил я, стараясь дышать ртом. Доктор перевел на меня внимание и мрачно процедил:

— Доктор Стоук. — Его голос звучал глухо, сливаясь с капаньем воды.

— Я могу осмотреть тела сейчас, есть ли у вас время?

— Время? — хмыкнул он, поворачиваясь ко мне спиной. — Это слово здесь не имеет веса. Ваше время остановится здесь и уже не запустится. Но сколько бы я ни твердил, меня все время торопят, заключение требуют еще вчера, да, а сегодня повторный осмотр? В связи с чем такие причуды?

— Не повторный, доктор, — поправил я, доставая из внутреннего кармана сюртука сложенный лист. — Дополнительный. По поручению Комиссии. — Я протянул ему бумагу, доктор скептично взял ее и поднес к тусклому свету. Бро-

ви сдвинулись, а губы шевелились, читая написанный текст.

— Флемминг… — пробормотал Стоук. — Он вообще понимает, что творит? Нарушает все процедуры. Тело мистера Монтегю должны были забрать еще вчера, я и так задержал его. А тут вы еще.

— Тело судьи? Почему его задержали? — Если доктор озадачен этим вопросом, значит, есть что-то, что еще не раскопали. Может, Винстан не прав насчет полиции Гринсайда? Обычно тело держат от 1 до 2 дней, а после предают земле.

— Десять минут, Кларк, не больше. — Выдавил он, избегая ответа на вопрос. Он сунул бумагу в карман. — Только осмотр, никаких инструментов. И я рядом. Каждую секунду.

— Десять минут — это роскошь, — согласился я. Стоук повернулся к трем каменным плитам, выстроенным вдоль дальней стены. Газовая горелка освещала их неровным желтым светом. На них, укрытые грубыми саванами до подбородка, лежали мертвецы. Стоук подошел к первому телу слева.

— Инспектор Грейвз, — пробормотал он, откидывая край савана[1].

[1] Саван — это одежда для усопшего или покрывало, которым накрывают тело в гробу или морге

ГЛАВА 7

Тишина в доме была не просто отсутствием звука. Она была густой, тяжелой, пропитанной запахом старого дерева, воска для паркета и чего-то еще — острого, животного, угасшего страха. Свет единственной керосиновой лампы, оставленной на массивном дубовом столе в кабинете, боролся с глубокими тенями, отбрасываемыми книжными шкафами до потолка. Тени эти казались живыми, готовыми поглотить.

Он стоял посреди комнаты, человек в темном, плотном пальто, воротник поднят, на руках — тонкие кожаные перчатки без единой морщинки. Его дыхание было ровным, слишком ровным для только что совершенного. Лишь легкая влага на лбу, тут же стертая тыльной стороной перчатки, выдавала усилие. Физическое и нервное.

Перед ним, в центре пространства, освещенного неровным ореолом лампы, висел хозяин кабинета. Мужчина лет пятидесяти шести, в добротном, но слегка помятом домаш-

нем сюртуке, босиком. Тело качалось почти незаметно, как маятник, отсчитывающий ушедшие секунды. Веревка — крепкая, хозяйственная, купленная днем раньше на рынке у старого моряка — врезалась глубоко в шею под углом, уходя вверх, к прочному крюку, ввинченному когда-то в балку потолка для тяжелой люстры. Голова была неестественно запрокинута, лицо потемневшее, опухшее, язык, синюшный и страшный, вывалился изо рта. Глаза, широко открытые, с лопнувшими сосудами, смотрели вниз, в пустоту, застыв в немом ужасе последнего мига осознания.

Убийца окинул сцену холодным, оценивающим взглядом. Слишком чисто. Самоубийство редко бывает таким… аккуратным. Надо было добавить хаоса. Он резко, почти небрежно пнул ногой стул. Тяжелый, резной дубовый стул с высоко поднятым сиденьем — слишком высоким для невысокого хозяина дома. Стул с грохотом опрокинулся на бок, откатившись по полированному полу. Лучше. Теперь это выглядело как шаг в пустоту.

Его взгляд скользнул к столу. Там, аккуратным квадратиком, лежал лист плотной бумаги. Поддельное прощальное письмо. Он подошел, поправил лист, поставил рядом тяжелую хрустальную пепельницу, чтобы его не сдуло сквозняком. Чернила высохли, подпись — старательная копия — дрожала лишь слегка. Достаточно убедительно для первого взгляда.

Но детали. Всегда детали выдавали ложь. Он наклонил-

ся к телу. Запах. Не только смерть, но и слабый, горьковатый запах хлороформа, затерявшийся в общем смраде. Он провел перчаткой по шее жертвы, чуть выше веревки. Там, под скулой, был крошечный синяк, почти незаметный на посиневшей коже. След иглы. Доза была рассчитана точно — оглушить, лишить сил сопротивляться, но не убить. Убийство должно было выглядеть «иным» способом.

Он отступил на шаг, его взгляд упал на ноги мертвеца. Босые. Но на подошвах — мельчайшие частицы уличной грязи, пыль. Неувязка. Человек, готовящийся к последнему шагу, вряд ли бродил бы босиком по дому, пачкая ноги. Убийца сжал зубы. Ошибка. Он быстро сгреб с ковра у ног стола несколько клочков бумаги (черновики, счета — неважно) и рассыпал их вокруг опрокинутого стула, маскируя пол. Надеялся, что полиция не обратит внимания.

Его взгляд снова притянуло лицо. Вывалившийся язык. Это было… слишком явно. Слишком насильственно. У самоубийц такое случалось, но реже. Он попытался грубо, кончиком пальца в перчатке, затолкать язык обратно. Ткань была холодной, негнущейся. Не получилось. Только оставил малозаметный след на губе. Проклятие.

Он отступил в тень, к дверям. Окинул сцену последним взглядом: качающееся тело в луже света, опрокинутый стул, рассыпанные бумаги, разбитые очки, аккуратное письмо на столе. Картина отчаяния. Самоуничтожения. Горького финала.

Но он знал правду. Знавал тупой ужас в глазах, когда хлороформ не сработал до конца. Помнил тихий, хриплый предсмертный хрип, когда веревка затянулась на шее еще живого человека, которого он сам поднял и толкнул со стула. Чувствовал под перчатками последнюю судорожную дрожь мышц, боровшихся за жизнь.

В доме было холодно. Убийца повернулся и бесшумно растворился в темном коридоре, оставив за собой лишь тиканье напольных часов в гостиной и жуткий, медленный танец висельника в центре кабинета. Работа была сделана. Инсценировка — почти идеальна. Почти. Он надеялся, что этих «почти» хватит, чтобы полиция Гринсайда удовлетворилась простым, трагическим выводом: самоубийство. А те крошечные несоответствия — пыль на ногах, след иглы, неуместно высокий стул — останутся незамеченными в тени висельной веревки и аккуратно подделанного отчаяния.

Тишина сомкнулась за ним, тяжелая и окончательная. В ней теперь не было ничего, кроме запаха смерти и едва уловимого, горького миазма хлороформа. И безучастного качания тела на веревке, будто маятника, отсчитывающего время до того момента, когда кто-то обнаружит эту тщательно срежиссированную немую пьесу о конце.

Лицо инспектора Люсиана Грейвза было знакомым, хотя и неузнаваемо бледным и осевшим. Человек, который знал все грязные секреты Гринсайда, теперь знал слишком много навсегда. Стоук осторожно сдвинул саван ниже, обнажив грудь и ноги. Аккуратное, зияющее входное отверстие. Оно было высоко на бедре. Второй выстрел пришелся в затылок, пуля пробила череп насквозь, обнажив на лбу небольшую дыру. Кровоподтеки вокруг были минимальны, темные, почти черные на мертвенно-бледной коже. Выстрелы. Один — чтобы сбить с ног, обездвижить. Второй — добивающий, в упор. Холодный, методичный почерк.

— Как в отчете, — пробормотал Стоук, словно защищаясь. — Два выстрела. Пуля извлечена. Калибр одинаковый.

Я кивнул, не отрывая глаз от ран. Расположение… Оно казалось слишком… точным. Как будто стрелок знал, куда целится, не спеша.

Стоук перешел ко второму телу. «Доктор Эдвард Блэк-

мор. Главный врач Городской больницы». Блэкмор. Человек, контролировавший здоровье — и тайны — элиты Гринсайда. Его лицо казалось менее пострадавшим, чем у Грейвза, но смерть наложила на него ту же печать. Саван сдвинули. Та же картина: рана в бедре, чуть выше колена. И вторая — в лоб, почти зеркально ране Грейвза. Тот же калибр. Та же методичность. Та же леденящая душу точность.

— Идентично, — констатировал Стоук. Его голос дрогнул. Даже для него, видавшего виды, это было слишком. — И вот — третья плита. Центральная. Судья Освальд Монтегю, — произнес Стоук с особым, почти ритуальным почтением.

Лицо судьи было спокойным, величавым даже в смерти. Но когда саван сдвинули, показалось нечто, что заставило мое сердце екнуть. Те же две раны: одна в бедро, вторая… в лоб. Прямо между глаз. Шоково точный выстрел.

— И у него два выстрела, — сказал Стоук, но в его голосе уже не было прежней уверенности. Он указывал на рану в бедре, потом на страшную дыру во лбу. — Как и у остальных. Пули извлечены. Калибр… совпадает.

Я наклонился чуть ближе, стараясь не дышать ему в лицо. Мой взгляд скользил от раны к ране. Что-то было не так. Несостыковка, крошечная деталь, резанувшая профессиональный взгляд.

— Доктор… — начал я медленно. — В отчете о вскрытии указано… два огнестрельных ранения как причина смерти? — Стоук нахмурился.

— Да, конечно. Как и у всех. Картина идентична. Серийный убийца, мистер Кларк. Безумец с револьвером. — Я указал на рану в бедре судьи.

— Посмотрите на края. На кровоподтеки. Вернее… на их отсутствие. У Грейвза и Блэкмора вокруг входных отверстий были характерные темные, почти фиолетовые синяки — экхимозы[1]. Прижизненное кровоизлияние. У судьи Монтегю… кожа вокруг раны на бедре просто бледная, с небольшой синевой. Слегка втянутая, с неровными, рваными краями — типично для посмертного повреждения. А рана на лбу… Она ужасна, но цвет тканей вокруг… слишком светлый. Нет того интенсивного багрово-синего оттенка, который дает прижизненное кровоизлияние в мягкие ткани под кожей.

— Что вы хотите сказать? — Голос Стоука стал резким, оборонительным.

— Я хочу сказать, доктор, — произнес я тихо, но так, чтобы каждое слово отпечаталось в сыром воздухе морга, — что эти две дыры… они появились после того, как судья Монтегю уже был мертв. — Стоук побледнел еще больше.

— Это… Это абсурд! На основании чего? Оттенка кожи? Вы не патологоанатом, Кларк!

— Нет, — согласился я. — Но я видел достаточно выстрелов в живых людей и в мертвых. И я вижу разницу. В отчете о вскрытии судьи… упоминалось что-то еще? Что-то, что не было огнестрельным ранением? — Он замер. Его глаза мет-

нулись к телу судьи, потом ко мне, потом снова к телу. В них читалась паника. И… вина?

— Нет… То есть… Была небольшая гематома. На затылке. Но она незначительная! Скорее всего, он упал, ударился уже после выстрелов…

— Можно взглянуть? — спросил я, но уже двинулся ближе к телу. Стоук, словно загипнотизированный, кивнул. Он осторожно приподнял голову судьи. Густые седые волосы на затылке были слипшимися, темными от запекшейся крови и ликвора[2]. Стоук раздвинул их пальцами, дрожащими от волнения или страха. И там, под волосами, чуть левее центра затылка, зияла она. Небольшая, но глубокая вмятина. Края кости были вдавлены внутрь, как скорлупа яйца. Следы сильнейшего удара. Кровоподтек вокруг был обширным, темным, почти черным — классический прижизненный экхимоз. И этот синяк явно перекрывал следы подтеков от выстрела в лоб. Значит, удар был раньше.

Я замер. Воздух в морге стал еще тяжелее. Капающая вода звучала как отсчет времени.

— Небольшая гематома, доктор? — Мой голос был ледяным. — Это перелом черепа со вдавлением. Смертельный удар тупым предметом, предположительно металлическим. Похоже, это и есть настоящая причина смерти судьи Монтегю. А два выстрела… — Я указал на бедро и лоб, — …это спектакль. Маскировка. Чтобы вписать его смерть в серию убийств «безумца с револьвером». — Стоук отпрянул, как

от огня. Он смотрел на вмятину, потом на меня, его лицо исказил ужас.

— Это… Это невозможно… Мы… Я… — Он задыхался.

— Вы что-то упустили, доктор? — спросил я мягко, но в мягкости этой была сталь. — Или… вам «велели» что-то упустить? — Он не ответил. Он просто стоял, глядя на страшную рану на затылке судьи, на свои дрожащие руки. Тень от прыгающего пламени газовой лампы плясала на стенах, удлиняясь и укорачиваясь, как пальцы обвинителей.

Десять минут истекли. Но я нашел не просто несоответствие. Я нашел брешь. Брешь в аккуратной картине серийных убийств. И за этой брешью пахнуло не безумием, а холодным, расчетливым заговором. Кто-то убил судью Монтегю тихо, по-другому, а потом инсценировал его смерть под руку маньяка. Кто-то с влиянием на тех, кто осматривал тела.

Холод подвала внезапно показался не таким уж сильным по сравнению с ледяной волной, прокатившейся по моей спине. Я смотрел на благородное лицо судьи и видел не третью жертву, а ключ. Ключ к чему-то гораздо более темному и опасному, чем серийный убийца. И этот ключ лежал в полицейском морге, а доктор Стоук, похоже, знал, что ронять его опасно для жизни.

— Доктор… — начал я, но он резко дернул головой.

— Ваши десять минут вышли, мистер Кларк, — прошипел он, голос срывался. — Уходите. Сейчас же. И забудьте…

забудьте то, что вы здесь «думаете», что увидели. Ради вашего же блага. — Он поспешно натянул саван на голову судьи, скрывая страшную тайну под грубой тканью. Его руки тряслись так, что ткань не слушалась.

— Раз дело обстоит так, то прошу вас дать возможность мне осмотреть одежду жертв. — Я остановился у двери, бросая стальной взгляд на доктора.

— Да к чему вам это? Вы не слышали меня? — Нервы доктора сдали; его устремленные к переносице брови, увековеченные множественными морщинами, контрастировали с дергающимся уголком рта. Но я продолжал смотреть ему в глаза.

— Мне нужно осмотреть ее, или же вы хотите увидеть в моем отчете истинную причину смерти мистера Монтегю? Сейчас от вашего решения зависит, сможете ли вы сохранить свой пост или же об этом узнают все. — Доктор сглотнул, но не отвел взгляда; где-то в глубине души он понимал, что этого уже не избежать, — от его ли мнения это зависит? Шантаж… Не совсем уместное слово для того, кто чтит закон, но и я не тот, к кому закон всегда был благосклонен.

— Шкаф слева от плит. — Помедлил он, но голос дрогнул, сокрушаясь.

— Благодарю. — Мой ответ прозвучал сухо, но Стоук все понял. Я двинулся к шкафу с холщовыми мешками. Под пальцами зашуршала плотная коричневатого цвета ткань, завязанная грубым шпагатом с биркой. Запах застарелой

крови усилился, но теперь к нему примешивался едкий дух дешевого табака и… чего-то химического, едва уловимого, но режущего ноздри. Судя по бирке, эта одежда была на инспекторе Грейвзе в момент убийства. Я нахмурился. На ворохе помятой, когда-то добротной ткани лежали кожаные полуботинки. Дорогие, но явно не новые. Именно они привлекли мое внимание.

Я взял один ботинок. Подошва. Не просто грязная от гринсайдских улиц — она была пропитана чем-то маслянистым и темным. Я провел подушечкой пальца по глубокому протектору. Палец почернел. Мелкая въедливая угольная пыль. Знакомый городской налет, но здесь его было так много, как будто Грейвз не просто шел по улице, а топтался на угольной куче. Отложив первый ботинок, я взял второй; картина была точно такой же. Угольная сажа в протекторе. Наконец я переключился на одежду. Сюртук, жилет, брюки — я тщательно проверил все, включая карманы. Все уже было пустым; затем я поднес ткань к лицу, осторожно втягивая воздух. Запах пота, табака, пыли… и снова этот химический оттенок. Едкий, острый, чуть сладковатый. Что-то среднее между скипидаром и дешевой масляной краской. Но не совсем. Как будто я нюхал это недавно, но в другом контексте. Запах исходил от одной конкретной точки, он пропитал ткань в районе рукавов и спины. Грейвз явно находился в помещении и контактировал с источником запаха, причем долгое время. Мои глаза поймали мелкую деталь — пугови-

цы. Они были в царапинах, будто ими водили по наждачной бумаге. На некоторых пуговицах еще остались задравшиеся кусочки, видимо, пуговицы поцарапали совсем недавно. Тело явно перетаскивали, и это не полицейские.

Аккуратно сложив одежду, я вернул все на свое место; мне в руки попал следующий мешок с пометкой О. М. Едкий запах на этот раз отсутствовал. На лакированных туфлях не было угольной сажи, однако были заметны комья влажной глины по краям. Размазав кусочек глины между пальцев, я предположил, что в глине есть примесь речного ила, небольшие частицы с характерным запахом. Эту грязь он набрал явно не в садах Гринсайда, среди мощеных улиц и выложенных булыжником троп. Глина была тяжелая и пластичная, такую можно запросто обнаружить на окраинах города, но кому потребовалось переносить тело в глубь Гринсайда?

Одежда судьи. На вид она была весьма чистой, не считая пятен, которые судья приобрел уже после падения замертво. Дорогой фрак, мантия, безупречно белая сорочка — слишком чисто, будто готовился ко встрече с кем-то высокопоставленным или возвращался напрямую с работы.

Остался только один мешок. Дверь позади меня скрипнула с натянутым завыванием, и шаги доктора унеслись прочь от мертвецкой. Я решил ускорить свой осмотр, пока доктор не привел кого-то, кто мог бы мне помешать. Одежда доктора может и выглядела дешевой, однако некоторые элементы дали понять, что он далеко не нищий. Брошь с инкру-

стированными драгоценными камнями не соответствовала другим деталям одежды. Возможно, это был подарок или наследство, но для чего носить его на простой одежде? Ботинки были пусты на улики, но вот запах здесь снова был; возможно, инспектор и врач виделись и были близко знакомы друг с другом. Рука прошлась по шершавой поверхности пальто и нащупала едва заметный бугорок. В кармане пальто за подкладкой была смята бумага, вероятно письмо, но без конверта, хотя запах сургуча был все еще уловим для моего нюха. Я сунул записку в карман.

Дверь за спиной снова скрипнула, и я затянул шпагат на мешке, поднимая в воздух небольшой клуб пыли. Я расслабил плечи, удерживая ситуацию под своим контролем, и медленно повернулся. Стоук был один, его лицо все еще было серым от недавнего шока, но в руках он держал нечто более деликатное, чем грубый мешок. Два листа из потемневшей бумаги, аккуратно сложенные пополам, дребезжали в его руках.

— Кларк, — спокойно проговорил он, — возьмите, это записки, которые оставил убийца на телах жертв, на всех, кроме доктора. — Его заговорщический тон заставил мое сердце колотиться: может, тут и будет зацепка? Я молча принял записки, написанные на слегка помятой обычной бумаге. Чернила были хорошие, черные, но почерк… торопливый, нервный, с кляксами. Судя по инициалам на обратной стороне, первая записка предназначалась инспектору.

«За тенью стелющихся роз,
За садом, что зовем могилой,
Найдем гробы, забитых силой
Шипами роз, что Он принес».

Стихи? Может, просто такой способ напугать? К моей загадке о саде эта записка лишь прибавила тайны, однако речь все же ведется про Сад. Ничего конкретного не было; я приступил ко второй записке, пока Стоук обеспокоенно наблюдал за моими движениями, но на удивление не старался прервать мои раздумья.

«Кто не отступит в час расплаты,
Узрев, как вянут все цветы,
Как тени падают с плиты
В объятья каменной громады?»

Опять стихи либо какой-то шифр, но тут говорится о ком-то конкретном. Стихи подобраны под коллекционера или же тут дело в другом.

— Бред какой-то, — оборвал мои мысли доктор. — Просто… бумажки. Может, чушь душевнобольного или бред усталого человека. — но голос его дрожал. Он знал, что это не бред. Он видел рану на затылке судьи, но вынес другой вердикт, значит, чего-то боялся или кого-то.

— Вам знакомы эти стихи? — Я прокашлялся, словно легкие пытались выплюнуть этот мертвый воздух из самой своей сути. Стоук прищурился.

— Чтобы такая чушь была еще и напечатана, да это не

осталось бы незамеченным. Никогда подобного не видел.

— И на том спасибо. Ах да! Доктор Блэкмор, — я повернулся к Стоуку, — он лечил кого-то влиятельного? Имел доступ… к деликатным историям болезней? К секретам? — Стоук побледнел еще больше.

— Он… он был главврачом. Многих знал. Слишком многих. — Это было не отрицание, а подтверждение моих слов. Я кивнул ему, оставляя записки на краю стола, и спешно покинул помещение. Доктор все понял без слов.

По мере того как я двигался к выходу из здания, запах разложения все еще преследовал меня и намеревался остаться в легких навсегда. Остановившись за углом, я достал письмо, которое вытащил из вещей доктора. Письмо было простым и коротким, даже слишком для письма; никаких указаний имен, и отправитель даже не подписался, хотя на конверте наверняка было имя, но конверта нигде не было. Да и сама записка выглядела так, будто ее носили в кармане несколько дней, периодически перечитывая. Но что более важно — почерк. У этой записки почерк был другой… абсолютно другой.

«Ваша вина всегда будет видна. Я помню, что вы сделали, и никогда не забуду. Да воздаст вам Господь по заслугам».

Угроза? Да, но не прямая. Кто-то из недовольных пациентов или их родственник. Что же мог сделать доктор, что его решили убить таким способом? С этими мыслями я отправился в суд, где царили страсти, по моему мнению, куда

более темные.

[1] Экхимоз — это кровоизлияние в кожу или слизистую оболочку, обычно называемое синяком, диаметром более 3 мм, возникающее при повреждении мелких сосудов.

[2] Ликвор — это спинномозговая жидкость, прозрачная биологическая жидкость, которая окружает головной и спинной мозг, защищает их и поддерживает жизненно важные функции центральной нервной системы.

ГЛАВА 8

Мальчишка прижался к кирпичной стене пекарни «Роллингс», прячась от ветра. Отцовский пиджак до колен, перевязанный веревкой, лишь немного спасал от холода худощавое тельце. Восемь лет — возраст, когда мир должен пахнуть

молоком и матерью. Но для него он пах ледяной пылью из водостока. Сквозь запотевшее окно он видел горы булочек с изюмом — тех, что пахли так, будто само лето застряло в тесте. Его сестренка кашляла в подвале, завернутая в тряпье, поэтому он горел желанием принести хоть что-то. Нужен хлеб, хотя бы корочка.

Зубы застучали от холода. Жирное шипение масла на сковороде отдавалось урчанием в животе, что давно не видел еды. Запах корицы и дрожжей для мальчика был сильнее запаха гнили из канавы. Новый порыв ветра, проходивший сквозняком между улицами, заставил его передернуться; он вытер сопли рукавом, хлюпая носом, и подошел ближе к двери. Пекарь отвернулся, ставя противень в печь. Мальчик рванул внутрь, ухватив две булочки с полки. Теплые! Они жгли пальцы. Мальчик сунул их за пазуху, выбегая на улицу, но за спиной послышался лай и щелчок собачьего поводка. Цепной пес рванул с крыльца. Скрежет когтей по мокрому камню был все ближе. Мальчишка нырнул в переулок, где ведра с помоями образовали скользкий барьер. Пес вцепился зубами в полы пиджака и, рыча, потянул на себя. Ткань с треском разорвалась, оставляя болтающиеся нитки. Ноги скользили по камню; мальчик развязал веревку, сбросив пиджак, пес разомкнул челюсть и прыгнул в его сторону, но мальчишка швырнул ему одну булку. Тот остановился, прожевывая и слюнявя свежеиспеченный хлеб.

Он прыгнул на замерзшую свалку, но ногой зацепился за

оледеневшую опору и рухнул лицом в мерзлую жижу, прикрывая животом оставшуюся булочку. Пес навалился всей тяжестью. Клыки впились в плечо — горячее, острое, сладковатое от крови. Мальчик вскрикнул, хватая собаку за морду свободной рукой. Пасть была сжата крепко, и зубы все сильнее врезались в осунувшееся тело.

— А ну оставь пацана, тварь! — Дубинка ударила пса по морде, и над мальчишкой встал силуэт в полицейской шинели.

— Встань, крысенок, — голос мужчины был без злобы. Усталым. — Воровать у Фергюсана? У него крысы в муке толще тебя! — Мужчина протянул руку, и мальчик, дрожа, зацепился за нее. Будучи в крови, он все еще сжимал булку. Голубые глаза словно светились на чумазом лице. — Пошли со мной!

— Пожалуйста, отпустите, мне… мне нужно срочно идти.

— Сначала преподам тебе урок. — Мужчина бросил это резко, но не угрожая, хотя для мальчика это все же могло быть угрозой. Однако поспорить он не мог и, смирившись, проследовал за полицейским.

В теплой конторе инспектора пахло кожей ремней и щами. Инспектор швырнул мешок угля к печи.

— Перегрузишь в ящик — получишь хлеба. Честно. В тюрьму же ты попасть не хочешь? — Мальчик принялся пересыпать черные куски, пока инспектор увлекся писаниной. На стене висел портрет мэра с лицом как у свиньи, да и сам

инспектор явно не знал, что такое голод. Мальчик сглотнул, игнорируя голодные позывы. На столе лежала бумага с печатью: «Закрыть приют Сады Надежды за антисанитарию». В голове мальчика промелькнули воспоминания из приюта. Неужели остальных детей тоже выкинут на улицу? Маленькие кулачки сжались от обиды и несправедливости. Но он продолжил работать.

— Вот, держи, — инспектор протянул четыре черствые корочки вместо добытой мальчиком булки. — И запомни: честный труд… — Но мальчик не слышал. Он видел только письмо.

Дверь позади закрылась, оставив мальчика на холоде, как и раньше. Крошки хлеба за пазухой сыпались в дыру от собачьих зубов. Дождь смывал кровь с плеча, но не жгучую правду. Доброта — это ложь для сытых.

Он бежал, спотыкаясь о замерзшие колеи. Под боком гремели четыре черствые корочки. Ветер выл, как голодный пес.

— Держись, сестренка, я близко, — бубнил он себе под нос.

Подвал на Поганой улице встретил его тишиной. Страшной, густой, как кисель изо льда и тьмы. Дверь в подвал висела на одной петле и поскрипывала. Снег на пороге был не тронут — за день не было никаких следов. Мальчик вошел внутрь, где уже давно пахло чем-то кислым. Гнилая солома проминалась под его шагами. Девочка лежала в углу, свер-

нувшись калачиком. Руки были сжаты у подбородка, будто она молилась, глаза закрыты.

Мальчик вздохнул: наконец-то он вернулся.

— Лиз? — Он упал на колени, суя ей в ладонь корочку хлеба. — Смотри, я принес хлеб! — Острые края засохшей мякоти царапали ее синие пальцы, но они не разжались. Сердце устремилось вниз, словно падая с обрыва. Он прижал ухо к ее груди. Ни стука. Только скрип крыс за стеной.

— Нет! — Его крик разорвал тишину. — Я же принес! Смотри! — Он судорожно разламывал хлеб, тыча мякоть ей в рот. Крошки падали на мертвые губы, скатываясь в солому. — Глотни! — Он сжал ее челюсти, пытаясь затолкать хлеб. — ПРОСНИСЬ!

Тело девочки качнулось и рухнуло набок. Мальчик замер, стоя на коленях перед маленьким скрученным тельцем. Хлеб выскользнул из рук. К горлу подступил ком, смешанный с рвотным позывом, который он едва сдержал. На этот раз он опоздал. Лиззи не дождалась.

Мальчик медленно поднял корочки, данные инспектором, и методично, одну за другой, засовывал себе в рот. Жевал, давясь сухими крошками. Слезы текли по щекам, смачивая кусочки хлеба, и только редкие всхлипывания нарушали тишину.

За окном вновь завыл ветер. Мальчик поднялся, прикрыв сестру мешковиной, и вытер лицо рукавом. Дверь все еще скрипела на петле. Он вышел из подвала, оставляя позади

самое ценное, кого он так и не смог сберечь.

Здание суда Гринсайда дышало величием. Высокие потолки, темный полированный дуб панелей, портреты суровых предшественников в мантиях — все здесь говорило о незыблемости закона и дистанции от уличной грязи. Я чувствовал себя здесь чужим. Даже мертвецкая была более приветливой ко мне. Мой мир был миром теней, запахов крови и лжи, а не гулкой тишины залов правосудия. Рискнув пойти сюда сразу после морга, я мог обречь себя на провал, но интуиция подсказывала, что чем быстрее я навещу всех, тем меньше времени будет у тех, кто хочет меня остановить. Нужно было придумать себе легенду.

За столом сидел молодой мужчина, сухой, как пергамент.

— Добрый день, господин, я Эдгар Дэлримплом, временный инспектор службы безопасности Окружного Совета. — Я изобразил озадаченность и, помедлив, продолжил, когда

клерк поднял на меня взгляд. — После трагических и столь публичных убийств высокопоставленных лиц Совет поручил мне провести внеплановую оценку мер безопасности в ключевых учреждениях города, включая здание суда. — Я показал бумагу с печатью, разумеется поддельную, и клерк едва заметно кивнул. Предлог был идеальный: он объяснял мое присутствие здесь и вызывал легкую тревогу, а значит, желание сотрудничать. Ну и конечно, давал право задавать вопросы о доступе, перемещениях и главное — о последних днях погибших. Ну и в случае, если проверят информацию, Винстану будет проще меня прикрыть; это имя мы часто использовали для конспирации. К тому же инспектору Флемингу не стоит знать, что я был еще и в суде.

— Здравствуйте, я Джордан Пим, клерк старшего судьи. — Он отложил бумаги, поправляя очки. — Так что вас интересует?

— Мистер Пим, понимаю, время тяжелое. Моя задача — не мешать работе, а помочь предотвратить будущие трагедии. Мне нужно понять уязвимости. Кто мог свободно перемещаться? Какие процедуры были накануне… инцидентов? — Я начал осторожно, с общих вопросов о пропускном режиме, служебных входах, расписании дежурств. Пим, явно польщенный вниманием «инспектора Совета», отвечал подробно, но сухо. Наконец я перевел разговор на конкретных людей.

— Судья Монтегю… такая утрата. Как он обычно себя вел

в последние дни? Казался обеспокоенным? Может, необычно задерживался? Или у него были посетители вне протокола? — Я сделал вид, что делаю пометки в блокноте. Пим нахмурился.

— Судья Монтегю был образцом сдержанности, мистер Дэлримплом. Однако… накануне его… ухода… действительно был… инцидент.

— Инцидент? — Я поднял бровь, изображая профессиональный интерес к «проблеме безопасности».

— Да. Инспектор Грейвз. Он ворвался сюда без записи, ближе к вечеру. Был крайне взволнован. Настоял на немедленной встрече с судьей. Они закрылись в кабинете его чести… — Пим понизил голос, оглядываясь. — …и довольно громко спорили. Минут пятнадцать, не меньше. Слышно было даже сквозь дубовую дверь.

— Спорили? О чем? — Мой голос звучал нейтрально: контроль превыше интереса.

— Точно не разобрать. Но инспектор кричал что-то о… безрассудстве, о последствиях… вроде бы. А судья… судья отвечал резко. Требовал успокоиться, говорил о превышении полномочий и… личном риске. Потом Грейвз крикнул: «Мне нужна помощь! Ваша или… других!» И хлопнул дверью, выбежал, красный как рак. — Мысли наполнили мою голову. Грейвз просил помощи у судьи. Судья отказал, но при этом был убит первым.

— Понятно. Напряженная ситуация. А после ухода ин-

спектора? Кто-то еще был у судьи? — Вздохнув, я снова уставился в блокнот, но Пим странно прокашлялся и покачал головой.

— Официально — нет. Но… — Он снова оглянулся и стал говорить еще тише. — Позже, уже в сумерках, младший курьер, убирающий почту, клянется, что видел… кого-то. Выходящего из кабинета судьи. Через черный ход в конце коридора.

— Кого? — Я наклонился вперед.

— Не знает. Человек в длинном темном пальто, шляпа низко надвинута. Шел быстро, не зажигая света. Курьер струсил, не стал подходить. — Пим сглотнул. — Утром мы узнали, что судью убили. Но самое странное — никто не видел, как этот человек вошел. Никто. Ни охранники у главного входа, ни я здесь, ни секретарь судьи, которая ушла раньше. Как… призрак. — Я замер. Третий человек. Тот, кто пришел после Грейвза. И ушел незамеченным. Убийца?

— Черный ход… он куда ведет? — Я продолжил напирать на клерка, вытягивая все больше сведений.

— В маленький дворик для вывоза мусора. А оттуда — в переулок за зданием. Теоретически доступ ограничен, ключ у смотрителя… но кто его знает. — Пим развел руками. Я поблагодарил клерка, сделал вид, что проверяю замки на черном ходе, которые выглядели старыми, но исправными. Пим подошел ко мне вплотную.

— Возьмите. — Он протянул небольшой клочок бумаги и

сделал вид, будто хлопает меня по плечу.

— Что это? — Тихо проговорил я, стараясь выдержать тот официозный тон.

— Это адрес… адрес сержанта Хадсона. Возможно, у Совета будут причины разобраться в этом деле, я бы хотел внести свой вклад. У нас с мистером Монтегю были хорошие отношения, он был приветлив, хотя врагов за время службы нажил много. Я не верю в случайность его смерти. Пожалуйста, навестите Хадсона, он коллега и близкий друг Грейвза. Может, он что-то знает. — Я кивнул.

Наконец оказавшись на улице, я вздохнул полной грудью, и свежий воздух буквально ударил в лицо, принося с собой запахи города — сладковатый, с нотами угля и цветов. Мои шаги звучали глухо на мостовой, и я направился в дом, в котором могла тянуться еще одна нить. Навстречу попались дома с выцветшими фасадами, где каждое окно обрамляло чью-то историю. Не дождавшись, пока мысли отвлекут меня, я ускорил шаг. Вскоре я достиг нужного адреса — небольшой, но уютный дом на улице, скромный, но ухоженный, отражающий положение владельца среднего класса.

Крыша была покрыта сланцевой черепицей, местами с проплешинами; прямоугольные окна с деревянными рамами в своих стеклах отражали однообразие архитектурного строения района, граничившего с промышленным. Перед домом располагалась небольшая ухоженная клумба с простыми растениями и забор из кованого железа, отделявший участок от

улицы.

Стук в дверь. Я расправил плечи и приготовился к встрече. Дверь открыла женщина средних лет, ее светлые волосы были скромно убраны под платок. Она приподняла брови, осмотрев меня с головы до ног.

— Добрый день, господин, вы к кому? — Черты ее лица были острыми, она слегка опиралась на дверной косяк, сверля меня взглядом.

— Прошу прощения за беспокойство. Я мистер Дэлримплом из Окружного Совета. Мне бы поговорить с мистером Хадсоном. — Ее лицо смягчилось, она оглянулась, не отступая назад.

— Дорогой, это к тебе! — крикнула она в глубь дома. — Только прошу вас, не долго, у моего мужа погиб друг, сейчас он… немного не в форме.

— Не более 5 минут, мадам, я задам пару вопросов и сразу уйду. — Она поправила волосы, выбившиеся из-под платка, и пропустила меня внутрь. На пороге аккуратно выложена дорожка соли. Николь была права — город в страхе.

Убранство дома было весьма скромным. Потертая мебель, простые гардины и небольшая печь для обогрева. Внутри дом был удобным и лишенным излишеств, подчеркивая скромный, но достойный образ жизни сержанта. В воздухе витал сладкий аромат свежей выпечки и смородинового варенья. Однако этот запах разбавлял острый запах джина. Видимо, это и имела в виду миссис Хадсон. Проходя глубже

внутрь, я увидел хозяина дома. Темноволосый, с седыми висками мужчина сидел нахмурившись в кресле, держа в руках бокал со спиртным. Его пальцы в мозолях крутили бокал, играя гранями, пока он смотрел на его дно, будто ища в нем ответы.

— Можно с вами поговорить? — Тихо начал я, стараясь не напугать сержанта своим появлением. Однако он даже не отвел взгляд от бокала.

— Я уже все сказал на допросе. — Твердо бросил он и отпил горький напиток. — Призрак-убийца, вам самим-то не смешно?

— Я не из полиции, я инспектор из Окружного Совета, хочу разобраться в настоящей причине гибели вашего друга. Моя задача — помочь, а не строить догадки про призраков. Мы можем с вами поговорить об этом? Можете рассказать о вашем друге?

— Друге… Он был мне как брат. Мы с детства дружили и всегда состязались в том, кто первый станет инспектором, шли к этому столько лет бок о бок. Столько дел раскрыли вместе. А когда его повысили, я остался его правой рукой.

— Я приношу свои соболезнования… — Я присел напротив него, сложив руки на коленях.

— Соболезнования, к чему они? Легче станет? Да вот и нет.

— Понимаю вас, расскажите, каким был мистер Грейвз в последние дни? Вел ли он себя как-то странно?

— Люсиан… да, в последние дни он был сам не свой. Закрытый, нервный, бурчал что-то про то, что слишком глубоко копнул. Однако мне так ничего и не рассказал, дурак. — Сержант поставил бокал, его уголки губ опустились в разочаровании.

— А про встречу с судьей он что-то говорил? — Продолжил я, и его взгляд изменился.

— Вы знаете про это? — Он сел удобнее, обхватив пальцами подлокотник. — Другие не задавали такого вопроса. Никто не знал, что он был у Освальда.

— А вы, вы знали? — С напором я старался прервать кучу этих бессмысленных вопросов.

— Знал. Он бросил пару фраз, про то, что должен его предупредить. А после встречи вернулся весь бледный. Сказал, что тот его не послушал и теперь им двоим будет худо. Когда я пытался расспросить его подробнее, он отмахнулся. Сказал, что у меня жена и дети и чтобы я не лез в это. Просил не говорить никому, что он был у судьи. Я пытался настоять, узнать хоть что-то, ведь раньше такого не было, однако он как в воду опустился, заперся в кабинете. Никого не принимал. Спустя день, после того как судью нашли мертвым, стал параноить. Перед самым концом смены куда-то смылся. Даже не отчитался.

— Куда он ушел? — Я приложил руки к подбородку, наблюдая за движениями сержанта.

— Не знаю. Я не смог застать его уход. Однако колле-

ги сказали, что он взял с собой оружие служебное, которое обычно оставлял в сейфе. На следующий день его нашли мертвым. — Он выдохнул и снова отпил из бокала. — Свидетелей не было, никто ничего не видел, он просто погиб один и даже не попросил моей помощи. — Его пальцы смяли кожу на лбу.

— Он что-то говорил про сад? — Хадсон отрицательно мотнул головой, но его рука дрогнула. Он врал.

— Оставьте меня. — Его взгляд был больше испуганным, чем недовольным. — Я все сказал.

— Последний вопрос. Вы не хотите говорить об этом, потому что боитесь или кого-то покрываете? — Вопрос в лоб словно выбил дух, он нервно сглотнул.

— Я ничего не знаю ни о каких садах, уходите. — Голос стал как сталь, которая подрагивала, взгляд заметался.

— Благодарю вас за уделенное мне время. — Я поднялся с кресла и прихватил чемодан. Рука сержанта крепко ухватила меня и потянула к себе, его дыхание коснулось моих ушей. В глазах горел истинный животный страх.

— Не лезьте в это. — Я высвободил руку и направился к выходу; миссис Хадсон устало посмотрела на меня. Я покинул дом, все еще ощущая на себе этот взгляд.

Солнце уже садилось, а промышленный район уже не казался таким дружелюбным. Зажглись первые фонари. Оживленный квартал стал похож на таинственный поток бегущих теней. Самые безобразные и искривленные силуэты мелька-

ли повсюду, пронося канаты, инструменты и прочие вещи. Кругом витал запах керосина и масла. Я и представить себе не мог, что кто-то дышит этим каждый день, а кто-то и вовсе живет в этом притворном запахе.

Я был здесь как белая ворона, только привлекая к себе внимание. Нужно было торопиться. Я ускорил шаг, пытаясь найти выход с этой улицы, видимо, где-то я свернул не туда. Вот показалось что-то знакомое, кажется, я уже проходил здесь. Из-за угла на меня выскочил маленький ребенок в оборванной одежде, чем-то похожей на мешок. За пазухой виднелась горбушка хлеба. Я наклонился к нему, чтобы помочь подняться, но он выбил мою руку и закричал:

— Я ничего не крал! — Я опешил от неожиданности. Позади мальчика появилось еще несколько фигур. Мужчины крупного телосложения стремительно приближались к нам.

— Поднимайся, давай быстрее. — Поправив шляпу, я скрыл за своей спиной мальчика и выпрямился. — Добрый вечер, господа, кажется, это ваше. — Протянутая мной булка привела мужчин в недоумение, однако из толпы вышел человек, от которого веяло свежей выпечкой. Он выхватил хлеб из рук и заглянул за мою спину.

— Я могу вам чем-то помочь? — Сделав шаг в сторону, полностью закрывая мальчика, я почувствовал, с какой силой он сжимает полы моего плаща.

— Этот уродец ворует мой хлеб. Отдай его мне. — Он наклонился ко мне, и за запахом выпечки я ощутил отврати-

тельное дыхание перегаром. — Или, может, ты с ним заодно?

— Давайте не будем с вами вступать в конфликт. Хлеб вам вернули, позвольте нам просто уйти.

— Конфликт? Ахаха, да ты у нас настоящий джентльмен. — Зарычал один из толпы.

Меня не интересовали ни их причины, ни их злобные планы. Я подошел ближе, фиксируя каждое их движение, чтобы подсказать себе, как поступить. Руки мальчика колотились, как от испуга, так и от голода. В тот момент, когда я протянул руку к мальчику, гнев пекаря достиг апогея.

— Эй, ты куда руку суешь, чудик? — Крикнул он, сделав шаг ко мне, и его товарищи поддержали его свистом и смехом.

Я почувствовал, как напряжение в воздухе нарастает, и у меня не было времени на раздумья. Я закрыл мальчика спиной, готовясь встретить угрозу лицом к лицу.

Секунда — и пекарь в бешенстве бросился на меня с кулаками, а его друзья, как стая волков, последовали за ним. Я увернулся, и удар пекаря ушел в воздух, затем, используя его импульс, толкнул его назад, и он свалился на землю. Но один из его друзей, крепкий и тяжелый, схватил меня за плечо. Я резко повернулся, выбрасывая локоть в его живот, и он потерял дух, отступая.

— Убирайтесь с дороги! — Крикнул я, когда остальные начали на нас надвигаться. Я знал, что если не остановлю эту толпу, они разорвут меня на части.

Бой продолжался: звуки кулаков, разрывающихся в воздухе, и крики заполнили ночь. Я избегал ударов, но понимал, что если не действовать быстро, меня ждет беда. Мальчик по-прежнему стоял позади меня, с ужасом наблюдая за всей борьбой. В этот момент мне удалось схватить бутылку, которую оставил кто-то из празднующих, и обойтись без сил. Я бросил ее на землю, и стекло с треском разлетелось. Это отвлекло моих врагов, и я воспользовался этим моментом.

— Беги! — Крикнул я мальчику, и он наконец понял, что пора уходить. Он побежал, оставляя позади крики. Я же удерживал их внимание на себе, не давая им возможности направиться за ним.

Ситуация накалялась, но в конце концов люди начали подаваться назад. Я был измотан, но готов продолжать борьбу, если это понадобится. Я знал, что сейчас главная задача — защитить этого мальчика и убедиться, что он в безопасности.

В руках одного из мужчин сверкнуло лезвие. Плохо, очень плохо. Слишком мало места, чтобы увернуться от удара ножом. Я толкнул одного из мужчин прямо на нападающего. Тот смог увернуться, и лезвие прошло очень близко к щеке, оставляя небольшую царапину. Нужно было заканчивать этот беспредел.

Я выбил нож у оппонента, параллельно отталкивая ногой следующего нападающего. «Думай, Итан, думай», — крутилось в моих мыслях; наконец, вот оно. За все время боя я определил слабые места каждого. Теперь нужно было вос-

пользоваться этим: сначала мясник — удар в колено, затем поддых, выбить челюсть. Второй слегка наклоняется вправо, проблема с предплечьем. Удар в ключицу, затем в грудь и оглушить. «Нет-нет, не успею».

Один из них налетел на меня с кулаком — вот мой шанс. Я использовал его силу и развернул его, бросая на землю. Невысокий мужчина, бежавший на меня, споткнулся и получил удар коленом в голову. Осталось трое; следуя плану, я обезвредил двоих, последний схватил меня за торс и, как таран, вжал меня в стену, выбивая воздух. Затем приподнял меня и бросил на деревянные коробки. Да уж, силы ему не занимать. Он снова приблизился, и я сделал захват ногами. Удушающий прием позволил мне сделать передышку. За ним последовал удар в носовую часть, далее висок; я освободил ноги и нанес прощальный удар ногой в лицо. Тело напавшего бесчувственно упало, и повисла тишина. Я уже чувствовал, как начинают отекать мышцы. Вытерев испарину со лба, я двинулся как можно дальше отсюда.

Тело болело, руки не слушались, и это все больше дезориентировало. Нужно было спросить дорогу до отеля. На ближайшем переулке кто-то схватил меня за рукав и потянул в темноту. Я уже был готов ударить, но вовремя остановился. Это был тот самый мальчик.

— Спасибо вам, сэр. — Произнес он слабым и обеспокоенным голосом. Я выдохнул и даже слегка усмехнулся.

— Воровать нехорошо, малыш, но отчасти это не твоя ви-

на. — Позади послышались смешки и что-то похожее на музыку; неподалеку, судя по всему, была таверна. — Пойдем, я отведу тебя поесть. Хлеб твой я же отдал. — Глаза мальчика засверкали. Он засунул руку в карман и достал небольшой кусок ткани.

— Вот возьмите, у вас на лице кровь. — Я рассмеялся: за всем этим я уже совсем забыл, что мне тоже немного досталось.

— Вот спасибо. Как же тебя зовут, малец?

— Генри, сэр.

— Генри, значит. Ну что ж, пойдем. У меня к тебе еще будет одна просьба. — Мы вышли из-за угла и направились в таверну. Там было шумно, музыку перекрикивали неугомонные пьяницы, поэтому мы сели в самом дальнем углу, чтобы не привлекать внимание. К нам подошла женщина и окинула презрительным взглядом. Однако она без лишних препирательств принесла ужин.

Мальчик жадно накинулся на еду, неумело управляя вилкой. Я же есть не стал: после всего пройденного аппетита у меня уже не было.

— Ну, малец, рассказывай, как ты до этого дошел? Родители будут в ярости, когда узнают. — Мальчик сглотнул очередную порцию и посмотрел на меня. Вот я дурак. — Значит, ты сирота. Тяжело тебе приходится здесь. — Генри доел ужин, распихивая по карманам остатки хлеба. Он не хотел мне отвечать, но это и так понятно. Да и помочь я ему ни-

чем не мог. Таких, как он, очень много, к сожалению, один человек это изменить не в силах.

— Сколько тебе лет? — Малец снова взглянул на меня своими блестящими голубыми глазами.

— 11, сэр. — Мальчик выпрямился, как бы показывая, что он уже совсем взрослый.

— Ого, да ты уже совсем большой. Знаешь что, у меня для тебя есть предложение. Я плохо знаю этот город, а вот ты здесь наверняка как рыба в воде. Мне нужно, чтобы ты показал мне дорогу, а также сделал для меня пару поручений. Как на это смотришь?

— Поручений? Вы хотите, чтобы я сделал что-то плохое?

— Нет, ни в коем случае. Я детектив, и мне нужны в городе глаза и уши. Думаю, ты мне подходишь. Ну как, согласен? Поверь, в долгу я не останусь. — Мальчик окинул меня взглядом и мотнул головой в знак согласия.

Я приподнялся и подошел к барной стойке, чтобы расплатиться. Ночь окончательно заволокла все вокруг; я шел за мальчиком, на плечи которого слишком рано легла полная ответственность за свою жизнь, и он ничего не мог с этим сделать. Пока мы двигались по улицам, я обдумывал все варианты. Наконец показалась знакомая улица и мост через канал.

— Мы почти пришли, сэр. Дальше прямо, не сворачивая, вы как раз наткнетесь на отель.

— Погоди, малыш. Идем со мной. — Мальчик слегка на-

прягся и посмотрел на меня в недоумении. Я и сам-то не знал, что делаю, но этот вариант показался мне самым верным из всех.

Дверь со скрипом открылась, мы прошли в гостиную, освещаемую огнем от камина. На софе рядом с камином сидела Николь, увлеченная чтением.

— Доброй ночи, маленькая леди. — Она вздрогнула от неожиданности.

— Детектив Кларк, вы вернулись. Мы очень волновались. А кто это с вами? И что с вами?

— Ах да, мисс Андерсон, не могли бы вы распорядиться предоставить юному джентльмену комнату. Все расходы за проживание я оплачу за него. — Сняв шляпу, я наконец смог немного расслабить плечи, словно вернувшись в родной дом. Этот день слишком вымотал меня.

— Да, конечно, но можно с вами поговорить? — Я уже знал, о чем будет разговор, но для меня обратного пути не было. Мы отошли немного в сторону от мальчика. — Детектив, вы же понимаете, что это не выход из ситуации. Что будет, когда вы уедете? Он не сможет остаться здесь насовсем.

— Маленькая леди, понимаю ваше беспокойство, но я все решу, а пока ребенок побудет здесь со мной. Он нужен мне в расследовании.

— Ваше право, мистер Кларк. Я все подготовлю. — Николь в спешке подошла к мальчику, осмотрела его и с улыбкой увела в комнату. Генри был немного замкнут, но оно и

понятно. Еще час назад его хотели убить за кражу, а ночи он проводил на улице; сейчас же он в приличном отеле, где ему ничего не угрожает. Такие события да и в таком возрасте нелегко так просто принять. Но парень держался молодцом.

Я вернулся в комнату, снимая с себя запыленную грязную одежду. Изваляли меня знатно. К сожалению, ссадин и синяков я не избежал. Я промыл раны в медном тазу и приступил к их обработке. В дверь постучали.

— Детектив, вы позволите войти? — Николь стояла за дверью; не дожидаясь разрешения, она приоткрыла дверь и застала меня за попыткой вытащить кусочки древесины из плеча. — Боже мой, я не вовремя. Простите меня.

— Ничего страшного, я уже почти закончил. Вы что-то хотели? — Девушка осторожно прошла в глубь комнаты и застыла напротив меня. Теперь, когда меня освещала лампа, она видела все мои ссадины и наверняка подумала, что я просто невежественный драчун, которого хлебом не корми, дай только кулаками помахать. Я слегка улыбнулся и опустил взгляд. Но девушка явно не из робкого десятка: минутное помешательство не остановило ее, она подошла ближе, прихватив из моего чемодана ватный тампон.

— Вы позволите? Где же вам повезло ввязаться в драку? — Я зажмурился; объяснять все в подробностях не имело большого смысла. Она бережно прикасалась к ранам ватой, смоченной в спиртовом растворе. — А вот тут вам придется немного потерпеть. — Я чувствовал, что на спине что-то

есть, но того, что это снова была частичка древесины, не подозревал; когда Николь освободила меня, боль постепенно затихла.

— Я благодарю вас, но не стоило, я бы справился сам. Вы весьма смелая леди, однако благородной девушке не стоит входить в комнату к мужчине ночью. Это может ненароком испортить репутацию. — Она силой прижала тампон к ране, из-за чего я дернулся.

— Я лишь хотела вам помочь. А вот моя репутация — я как-нибудь решу это дело сама. Мальчик уже спит в комнате, все хорошо, можете не беспокоиться. Вопрос стоит в его одежде; я нашла пару вещей, которые оставили предыдущие гости с детьми, они ему подойдут, в остальном, пожалуйста, позаботьтесь об этом, раз взяли на себя такую ответственность, к сожалению, это все, чем я могу помочь.

— Благодарю вас, маленькая леди.

— Добрых снов, детектив. — Она развернулась, бросив тампон в крови на стол, и ушла, явно оскорбленная моими словами. Как я только мог додуматься сказать ей такое? Когда-нибудь моя прямолинейность сыграет со мной злую шутку.

ГЛАВА 9

Она стояла за дверью, прижавшись к ней спиной, чувствуя, как холодное дерево хладнокровно касается ее кожи. Сердце колотилось в груди, дыхание сбивалось от переполняющих эмоций. Она прислушивалась к звукам из комнаты — шорохам бумаги, тихим словам детектива. Каждое его слово, как будто острыми лопатками, срезало ее самооценку. «Как он мог так подумать?» — терзала себя она, глядя на пол и пытаясь собраться с мыслями.

Она зажмурилась, пытаясь вдохнуть, но воздух словно застрял в горле, горячий и колючий, комком обиды и унижения. Снова. Репутация. Слово жужжало в ушах, как злая оса. Его репутация? Или ее? Как будто ее единственной ценностью в его глазах было то, что скажут какие-то вымышленные сплетницы Гринсайда! Как будто она была пустым сосудом, который можно запятнать одним неосторожным шагом в темный номер раненого мужчины! Гнев, жгучий и оправданный, подкатывал волной, заставляя сердце биться чаще.

Она сжала руки так, что в ладонях остались бледные следы от пальцев. Он думал, что она не понимает рисков? Она, выросшая в портовом отеле, видавшая всякое? Она знала о пересудах. Но она также знала цену человеческой жизни — и боли. Видела его раненое лицо, слышала его стон. И выбрала помочь. Потому что это было правильно. Потому что он был… он был под их крышей. Гость. Человек. Тот, кто внушает доверие…

Мысль оборвалась, как ножом. Вот где была настоящая боль. Глубже, чем обида за попранную самостоятельность. Он оттолкнул не просто ее помощь. Он оттолкнул ее доверие. Она позволила себе волноваться за него. Рискнуть. Зайти без приглашения, забыв на мгновение о правилах, движимая чистым порывом. И он встретил этот порыв холодной стеной приличий.

Из-за двери больше не доносилось ни звука. Ни стона, ни шарканья. «А вдруг ему действительно плохо? Вдруг что-то серьезное?» Забота, профессиональная и человеческая, не меньше чем любопытство к его персоне, тут же рванулась вперед. Она сделала шаг обратно к двери, рука непроизвольно потянулась к ручке. И тут же остановилась, сжав кулаки. Нет. Он сам сказал. Он выбрал свои условности. Его право. Она не будет навязываться.

В этот момент она ощутила полную беспомощность. Страх отойти от двери боролся с желанием вернуть контроль над ситуацией. «Почему я так реагирую?» — терзала она се-

бя, осознавая, что с каждым дыханием ее решимость становится все слабее. Она не была готова показать ему свою уязвимость.

Темнота коридора прижимала к себе, как укрытие, позволяя ей спрятать свои истинные чувства. Она знала, что нужно идти вперед, но эти острые слова, образы его невозмутимости и ее собственная неуверенность держали ее в плену.

Как бы ей ни хотелось все высказать, она не зашла в комнату. Вместо этого она развернулась и направилась к себе. Ее мысли закружились, разбиваясь на тысячи мелких осколков. Закрыв за собой дверь, она почувствовала себя в безопасности, хотя внутри нее все равно бушевала буря эмоций. Она уселась на край кровати, стараясь успокоить дыхание. «Что я хочу узнать? Что я хочу сделать?» — вновь и вновь прокручивала она в голове.

Солнце, едва пробивавшееся сквозь свинцовые тучи, ка-

залось мне насмешкой. Оно освещало порез на щеке и отечность рассеченной губы. Но куда больнее светило на мой промах перед Николь. Боль в боку приглушилась, сменившись гулким дискомфортом от вчерашней сцены. Я должен был исправить это, вот только как не сделать еще хуже?

Стук в дверь был легким, деловым. Не ее.

— Прошу вас пройти к завтраку, мистер Кларк. — Молодой голос горничной звучал глухо по ту сторону.

— Благодарю. — Сухо ответил я. Если бы это была Николь, я бы скорее всего просто застыл. Разговор с обиженной женщиной намного хуже, чем с маньяком. Одевшись, я выскочил из комнаты. Минуя лестничный пролет, я бродил глазами по холлу в поисках девушки. Безупречно одетая в скромное платье, она прошла к столу, а я следом за ней.

— Доброе утро, мистер Кларк. — Голос ровный, без интонаций, как у автомата. Ее тонкие руки взяли кофейник. На удивление, Грегори за завтраком не было.

— Мисс Андерсон. — Начал я, вставая со стула; боль в боку напомнила о себе, но я проигнорировал. — Прошу меня простить. Вчера. Я сказал…

— Кофе с сахаром? — Она перебила, подняв на меня взгляд. В ее глазах не было огня обиды, лишь ровная гладь отчуждения.

— Да, спасибо. Но миледи, пожалуйста, выслушайте. Мои слова о возможных пересудах были неуместны и неблагодарны, учитывая ваше желание помочь. — Пытаясь найти сло-

ва, которые словно испарились из головы, я чувствовал себя дураком. — Думал о сплетнях, о том, что вас могут осудить, но я забыл о главном. О вашей доброте и о том, что вы пришли помочь, несмотря на то, что я взвалил на вас за один вечер. — Я попытался улыбнуться, но больно дернул рассеченную губу.

Она налила кофе в чашку. Молча. Поставила передо мной и пододвинула сахарницу. Все движения точные, экономичные. Ни тени волнения.

— Не стоит беспокоиться, мистер Кларк. — Наконец сказала она, все еще не глядя мне в глаза. — Ваши опасения были… понятны в контексте условностей. Наслаждайтесь завтраком. — Ее элегантные движения не выдавали ничего, кроме холода. Она спешно покидала холл, оставив меня наедине с горячим кофе. Это все. Только вежливая стена.

— Мисс Андерсон, прошу, подождите. — Вырвалось у меня раньше, чем я успел подумать. Мне была нужна ее помощь как человека, знающего город и людей. — Не знаете ли вы, где в городе можно найти архив старых газет? Скажем, трех-четырехлетней давности? Мне нужны публикации о бунте на доках Льюиса и… последующих событиях. — Она остановилась у порога, рука на дверной ручке застыла.

— Городская библиотека на Мейн-стрит. У них есть подшивки «Гринсайдского вестника» и других местных газет за много лет. Архивариус, миссис Пемброк, обычно помогает найти нужное. — Девушка обернулась, в ее глазах мелькнул

интерес.

— Превосходно. Благодарю за информацию. — Я взял чашку, чувствуя облегчение от конкретной наводки.

— Вы хотите пойти туда прямо сейчас? — Горячий кофе обжег губы, и я невольно отдернулся и поднял взгляд на девушку.

— Сразу после завтрака, не хочу терять драгоценное время.

— Я провожу вас. — Неожиданно заявила Николь. Ее тон был таким же ровным. Я удивленно поднял бровь.

— Это совершенно необязательно, мисс Андерсон. Я не хочу вас обременять. — Я поднялся из-за стола.

— Миссис Пемброк — старая знакомая нашей семьи, — объяснила Николь, наконец встретив мой взгляд. В ее глазах не было ни тепла, ни обиды, лишь деловая решимость. — Она может быть… осторожна с незнакомцами, особенно копающимися в старых скандалах. Мое присутствие облегчит вам доступ. К тому же, — в ее голосе едва уловимо скользнула тень чего-то, напоминающего вызов, — я хорошо знаю систему каталогов. Это сэкономит время. Я свободна утром. — Я колебался. Идти с ней после вчерашнего было неловко. Но ее аргументы были весьма разумны. Доступ к архиву — приоритет.

— Я… ценю вашу помощь, маленькая леди. Если вы уверены, что это не доставит вам неудобств?

— Никаких, — ответила она просто. — Я буду ждать око-

ло входа через полчаса. — Николь направилась к себе, не дав мне возможности для дальнейших дискуссий.

Через полчаса я спустился. Николь ждала в холле, уже в легком пальто и шляпке, с небольшой сумкой через плечо. Она выглядела как образец девичьей скромности и практичности.

— Готовы, мистер Кларк? — спросила она, не улыбаясь.

— Да, мисс Андерсон.

Мы шли по улицам Гринсайда в почти полном молчании. Я чувствовал неловкость, усиленную любопытными взглядами прохожих — дочь трактирщика в обществе незнакомого джентльмена с явно недавно полученным синяком. Николь шла ровно, смотря прямо перед собой, но я уловил, как она слегка ускорила шаг, когда нам навстречу попался местный сплетник.

— Вот библиотека, — наконец произнесла Николь, указывая на солидное здание из серого камня.

Внутри царила тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц и тихими шагами. Полки тянулись от пола до потолка, ломясь под тяжестью пергаментов и рукописных томов, аккуратно разложенных в строгом порядке. Свет проникал сквозь витражные окна, отбрасывая мерцающие узоры на столы из темного дуба. Тишина и благоговейный покой царили над суетой мира, а запах старой бумаги и воска от свечей создавал особую атмосферу созерцания и сосредоточенности. Библиотека не была просто хранилищем текста, а бы-

ла местом встречи мысли и времени, где передавались сокровища мудрости от поколения к поколению. Николь легко провела меня мимо скептически настроенного библиотекаря к стойке архива, где за столом сидела пожилая дама с цепочкой пенсне[1] на носу.

— Миссис Пемброк, добрый день! — Николь позволила себе легкую, вежливую улыбку.

— Дорогая Николь! — Лицо архивариуса просияло. — Какая приятная неожиданность!

— Это мистер Кларк, он проводит… историческое исследование о развитии промышленности в Гринсайде, — представила Николь; ее голос звучал гладко и убедительно. — Ему нужен доступ к подшивкам «Вестника» за 1887–1888 годы. Особенно к материалам о бунте на доках Льюиса. — Миссис Пемброк на мгновение нахмурилась.

— 1887–88… О, это было бурное время. Бунт, потом эти ужасные убийства бедных промышленников… — Она вздохнула. — «Вестник» все освещал. Но будьте осторожны, мистер Кларк, бумага ветхая. Николь, дорогая, ты поможешь ему? Знаешь, где искать.

— Конечно, миссис Пемброк, — кивнула Николь. Архивариус вручила нам ключ от хранилища старых газет. В полумраке пыльного зала, пахнущего старым деревом и бумагой, Николь быстро нашла нужные тяжелые фолианты.

— Вот, 1887 год, лето — бунт Льюиса, — она открыла том, аккуратно перелистывая пожелтевшие страницы. Ста-

тьи пестрели заголовками о «беспорядках», «требованиях докеров», «жестоком подавлении». — А вот осень 1887 — зима 1888, — она перешла к другому тому. — Начало убийств. Майкл Льюис первый. Потом Миллер, Торнтон, Эверард. — Она указывала на кричащие заголовки: «МАНЬЯК УБИВАЕТ ПРОМЫШЛЕННИКОВ!», «ВТОРАЯ ЖЕРТВА ТАИНСТВЕННОГО УБИЙЦЫ!». Я склонился над страницами, впитывая детали. Все убиты в садах. Два выстрела. Один в ногу, второй — смертельный в голову. Точная копия метода убийства Грейвза и Блэкмора.

— А вот и статьи Джонатана Пирса, — тихо сказала Николь, найдя колонку с мелким шрифтом в углу страницы. — Он единственный, кто задавал неудобные вопросы. Сомневался в версии о маньяке. — Она ткнула пальцем в абзац.

Я почувствовал холодок по спине. Совпадение? Устранение конкурентов. Захват власти. Прикрытое серией убийств с одним и тем же почерком. И Грейвз расследовал это тогда! И погиб сейчас, когда убийства возобновились.

— Мисс Андерсон, — начал я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, без подозрения, но с искренним любопытством, — вы удивительно хорошо ориентируетесь в этих событиях и публикациях. Судя по вашей уверенности… это не просто общие городские слухи. Если не секрет, откуда такой… глубокий интерес к делам трехлетней давности? Особенно к таким мрачным? — Николь слегка смутилась. Легкий румянец выступил на ее щеках, и она отвела взгляд, ак-

куратно выравнивая стопку газет. Казалось, я застал ее врасплох.

— Это… немного глупо, мистер Кларк, — начала она, не глядя на меня. — Но я… очень увлекаюсь детективными историями. Уилки Коллинз, господин Конан Дойл… — Она сделала паузу, словно признаваясь в чем-то постыдном. — Отец привозил мне книги из Лондона. Я зачитывалась, даже будучи в университете. И когда здесь, в Гринсайде, начались эти настоящие убийства незадолго до моего возвращения… это было как страшный, но захватывающий роман, разворачивающийся прямо у нас на глазах.

Она наконец посмотрела на меня, и в ее глазах горел тот самый огонек увлеченности, который я видел у молодых клерков, мечтающих о сыскной славе.

— Я вырезала все статьи о «маньяке» и хранила их. Следила за каждым шагом расследования. И тогда… тогда появился Джонатан Пирс. — Голос ее оживился. — Он писал не так, как все! Он не просто пересказывал ужасы или повторял версию полиции. Он анализировал. Искал нестыковки. Задавал вопросы, на которые никто не хотел отвечать. Вот здесь, — она ткнула пальцем в ту самую колонку, — он прямо спрашивает: «Почему „маньяк“ выбирал только тех, чьи активы тут же переходили под контроль Совета?» Это же очевидно! Как в лучших детективах! — Она вдруг замолчала, снова покраснев, словно осознав, что слишком увлеклась. — Я… я знала, что он прав. Чувствовала это. Но потом

его статьи стали реже, мельче. Его заткнули. Когда Призрака повесили, мне показалось странным кое-что…

— Кое-что? Что именно? — Я смотрел на Николь не отрывая взгляда. Ее высказанные мысли не были пустыми или безосновательными.

— Я могу ошибаться, но тогда я была уверена, что тот, кого приговорили к казни, не был настоящим маньяком.

— Но ведь в деле было сказано, что он душевнобольной и мстил за погибших в бунте. Почему вы так решили?

— Сама не знаю. Но я чувствую это. Чувствую несправедливость. История осталась без настоящей развязки. Да и вдобавок его так странно нашли… Он напал на кого-то в поместье. Это странно для убийцы из сада… — В этом и была проблема многих, кто только увлекался расследованием: желание получить неожиданный поворот событий, непредсказуемый финал, закрывающий глаза на очевидное. Однако в ее словах была доля правды. Эта теория теперь не давала мне покоя.

Она вздохнула и выпрямилась, возвращаясь к деловитости, но сдержанный энтузиазм все еще читался в ее глазах.

— Вот почему я так хорошо помню эти статьи и это дело, мистер Кларк. Это был самый настоящий детектив, происходивший на моем родном пепелище. И Пирс… он был единственным, кто пытался докопаться до истины. Поэтому, когда вы спросили… — Она слегка пожала плечами. — … я поняла, что могу помочь найти то, что когда-то так меня

увлекло. И, возможно, помочь найти ту самую недостающую развязку. — Николь посмотрела на меня прямо. — Пусть даже спустя три года.

— Благодарю вас, что поделились со мной. А подскажите, что было с мистером Пирсом после всех событий? Он жив? — Я кивнул, поправляя манжету.

— Пирс быстро «ушел» с первой полосы. Писали, что он «находится в творческом отпуске». Но он остался в городе. И, говорят, все копает. — Я закрыл тяжелый фолиант.

За серостью событий, прораставших как зерно в тот год, было заметно и что-то хорошее. Подозрительно хорошее. Газетные вырезки, статьи говорили об увеличении продаж, открытии новых каналов торговли. Поставка продовольствия. Развитие промышленности. Новый владелец доков — Артур Гримстон. Соучастник или подозреваемый?

— Спасибо, маленькая леди. Вы оказали неоценимую помощь. Я знаю, куда идти дальше. — Она кивнула, аккуратно складывая газеты.

— Рада была помочь вашему… исследованию, мистер Кларк. — Ее тон был все так же формален, но в нем не было прежней ледяной отстраненности. Было деловое удовлетворение от выполненной задачи. Она проводила меня до выхода из библиотеки.

Бромтонское кладбище встретило меня ледяным дыханием. Серое небо нависало низко, цепляясь за верхушки черных, почти голых деревьев. Туман стлался между надгро-

биями, превращая ангелов и кресты в призрачные силуэты. Воздух был сырым, пропитанным запахом влажной земли, гниющих листьев и чего-то древнего, неумолимого — самой смерти.

Я шел по главной аллее, шаги глухо отдавались по утоптанной гравийной дорожке. Цель была конкретна: могила Уолтера Элриджа. Того самого «маньяка», которого повесили три года назад за убийство четырех промышленников. Официальная точка в кровавой истории. Но я знал — точки не было. Было многоточие, ведущее прямиком к «Саду». И я хотел увидеть, где похоронили того, с кого все началось.

Сектор для бедных и преступников находился в самом углу кладбища, у задней стены. Здесь не было мраморных ангелов или пышных памятников. Ряды простых, потрескавшихся каменных плит, многие без имен, лишь с номерами. Я сверялся с запиской, полученной от смотрителя за шестипенсовик: Участок 7, Ряд Г, Могила 23. Элридж У.

Показался ряд Г. Могилы стояли плотно, как зубья гребня. Подходя к двадцать третьей… я замер. Могила была разрыта. Не просто потревожена — осквернена. Земляная насыпь содрана, выброшена кучами темной, влажной глины по бокам. Сама могильная яма зияла черной дырой. Деревянный гроб, вернее, то, что от него осталось — грубо сколоченные, подгнившие доски — был взломан. Крышка отброшена в сторону, разломана пополам, словно ее вскрыли ломом или топором. Внутри… пустота. Лишь комья земли да

несколько белесых, мелких обломков — то ли костей, то ли рассыпавшегося дерева — на дне.

Я ощутил холодный ком в груди. Не страх, нет. Ярость. Холодную, целенаправленную ярость. Кто-то, кто знал, что эта могила может стать уликой, побывал здесь первым. Убрал последние материальные останки. Чистый лист, будто в могиле никого не было. Они создали идеального призрака.

Я осторожно обошел зияющую яму, стараясь не свалиться вниз. Глаза сканировали беспорядок, ища хоть что-то, что не унесли осквернители. И наткнулись на блеск. У самого края ямы, в грязи, наполовину втоптанный в землю, лежал небольшой предмет. Наклонившись, я достал носовой платок и поддел им находку. Это был медальон. Небольшой, овальный, из тусклого серебра, на тонкой, порванной цепочке. Он был грязный, но не старый. Три года в земле оставили бы на нем куда более глубокие следы коррозии. Этот выглядел… сравнительно свежим. Уроненным недавно? При вскрытии?

Я аккуратно протер медальон платком. На лицевой стороне — замысловатая гравировка: переплетенные ветви плюща, окружающие стилизованную букву «S». Плющ… Сад? Сердце застучало чаще. На оборотной стороне — выгравированная надпись: «B.D. — Ordinis Suae XXV». B.D. Возраст 25 лет? Однако Уолтеру Элриджу на момент казни было явно больше 25, да и не претендовал он на подобные вещи.

«Это не его», — прозвучало в моей голове. Это чужой ме-

дальон. Тот, кто вскрывал могилу… или тот, кто был похоронен под чужим именем? Мысли метались. Подмена тела? Возможно, Элриджа вообще не хоронили здесь? Или под его именем закопали кого-то другого? Тогда чей это медальон? Жертвы? Палача?

Кто вскрыл? Люди «Сада», уничтожающие следы? Или… родственники? Те, кто знал, что здесь лежит невиновный? Искали доказательства? Но тогда почему бросили такой явный знак? B.D. Инициалы. Кто это? Жертва одного из убийств? Сообщник? Сам настоящий убийца? Двадцать пять… Все как-то не похоже на хладнокровного серийного убийцу промышленников.

Я огляделся. Кладбище было пустынно. Лишь вороны каркали где-то на соснах. Туман сгущался. Я почувствовал себя уязвимым, как на ладони. Я нашел то, что искал, — доказательство чудовищной лжи. Но теперь это доказательство могло стоить мне жизни. Медальон с плющом и буквой «S» был не просто уликой. Это был смертельный груз.

Я крепко сжал медальон в ладони, ощущая холод металла сквозь ткань платка. Элридж был ширмой. Его казнь — спектакль. А его могилу осквернили, чтобы стереть последнюю материальную связь с ложью. Но они просчитались. Оставили свой знак.

Бросив последний взгляд на зияющую черную яму, что была похожа на открытую пасть, кричащую о сокрытой правде, я сунул медальон во внутренний карман сюртука, туда,

где раньше лежала фальшивая печать «инспектора». Теперь там лежало нечто куда более опасное и ценное. Надо было уходить. Быстро.

Разрытая могила Уолтера Элриджа была не концом расследования. Она была началом новой, еще более мрачной главы. Главой, где «Сад» показал свои клыки не только через убийства, но и через осквернение смерти и создание всеобщей паники. Я вышел с кладбища, неся в кармане не просто кусок металла. Я нес доказательство того, что истинный маньяк не исчез три года назад. Он просто сменил маску и продолжал убивать. И теперь мне было известно, что где-то в тумане Гринсайда бродит призрак по имени B.D., чей медальон — ключ к его настоящему имени. И к его уничтожению.

Погода напрочь испортилась, смешивая с грязью мои мрачные догадки. Волосы намокли от дождя, вода капала на лицо, но она не смывала мысли о том, как именно медальон приведет меня к убийце. В раздумьях я добрался до отеля, где приветливо горели огни из окон первого этажа. Внутри было тепло. Огонь от камина напоминал об уюте. Из-за угла вышли Николь и Грегори. Лицо хозяина было серым и стянутым болью. Николь вела его под руку к лестнице. Я подошел ближе и подхватил Грегори под плечо.

— Что произошло? С вами все в порядке? — Нервно произнес я, глядя на Николь.

— У папы снова приступ, я уже отправила служанку за лекарем. Прошу, не беспокойтесь, я справлюсь сама.

— Мне не составит труда помочь. — Мы положили Грегори на кровать в его комнате. Он весь горел. Капельки пота спускались по его лицу. Я почувствовал тонкий, прикрытый ароматическими маслами мускусный запах. Взяв его запястье, я замерил пульс; он был слабым. Дверь в комнату была открыта, и снизу послышались шаги. В комнату вбежал лекарь в темно-синем сюртуке из добротной шерсти с вытертыми локтями. Он поставил рядом с хозяином саквояж, доставая инструменты. Я взял Николь за руку и потянул из комнаты.

— Что вы делаете? — Девушка отдернула ладонь. Я видел ее беспокойство в широко распахнутых глазах, но решил, что сейчас ей лучше побыть снаружи, чтобы не мешать работе лекаря.

— Простите, вам лучше побыть здесь.

— Это не вам решать, детектив. Там мой отец. — Девушка рванулась к комнате, но остановилась, когда лекарь захлопнул перед ней дверь. Она застыла; я видел, как ее плечи дрожали. Ноги Николь подкосились, и мне пришлось броситься к ней, не давая рухнуть на пол. Взгляд был пустым, полным слез; она как кукла повисла на моих руках. Я отнес ее на кресло на первом этаже возле окна. Прохладный влажный воздух проник внутрь, заставляя подрагивать ее выбившиеся из прически волосы.

— Маленькая леди, вам лучше? — Тихо произнес я, протягивая стакан воды.

— Да, благодарю. — Она продолжила смотреть в окно, прикрывая рукой рот, оставив стакан нетронутым. Я остался стоять рядом с ней. Молча, не позволяя нарушить ее единение со своими мыслями. Спустя несколько минут дверь в комнату Грегори открылась, и лекарь направился к лестнице. Николь тут же вскочила с места и направилась ему навстречу.

— Юная леди, не волнуйтесь, с ним сейчас все в порядке. Ему нужно поспать, я дал все необходимое. Теперь только покой. — Девушка вздохнула с облегчением и кивнула лекарю, который в спешке покинул дом. Ее руки все еще тряслись, она едва стояла на ногах.

— Вы позволите довести вас до комнаты? Вам не мешало бы отдохнуть. — Я повел ее наверх, слегка придерживая за локоть. Судя по всему, сил возражать у нее не осталось.

Дверь в комнату закрылась, оставив меня в полумрачном коридоре; я прислушивался к шорохам, не хотелось бы, чтобы она снова упала в обморок. Но в воздухе витала лишь тишина. Тяжкий вздох вырвался из меня. Пусть отчасти мне было незнакомо чувство, что испытывала эта девушка, жизнь научила меня сопереживать.

— Вы еще здесь, детектив? — Ее голос звучал без обиды или недовольства, а грустным спокойствием.

— Да. — Все, что я смог ответить. Моя рука легла на холодную шершавую поверхность двери. Мой взгляд, устремленный в эту преграду, будто пытался разглядеть что-то, но

я знал, что не имею права даже стоять здесь. — Простите, я не…

— Можете остаться… за дверью… еще немного, пожалуйста? — Она перебила меня, едва выдохнув. Мы остались в молчании; я сел к двери, прижимаясь спиной.

— Мисс Андерсон, вы… как вы? — Тишина. Потом слабый шорох, будто она придвинулась к двери.

— Все в порядке, просто немного кружится голова. — Голос донесся приглушенный, но четкий, без слез. Только бесконечная усталость и дрожь, которую нельзя было скрыть.

— Понимаю. — Я смотрел на узкую полоску света под дверью. — Это… тяжело. — Слова казались пустыми, жалкими. Что я мог знать?

— Он болен, — прозвучало за дверью, словно признание, вырванное силой. — Сердце. Уже давно. Лекарь говорит… сердечная недостаточность. — Голос сорвался на последнем слове. — Иногда приступы такие сильные… — Николь замолчала, будто боясь расплакаться.

— Я видел, как быстро вы среагировали. Вы его спасли, маленькая леди. Своей собранностью. — Повисло молчание, которое я рискнул нарушить. — Мисс Андерсон, вы сказали, лекарь. Ваш отец не обращался в больницу?

— Мой отец мало кому доверяет. Мистер Деррик — единственный врач, вхожий в наш дом.

— Сейчас такое время, могу понять его. Самое главное, что помощь своевременная и с вашим отцом все хорошо. —

Снова тишина. Потом глухой стук, будто она опустила голову на дверь.

— Я не могу его потерять. — Шепот был почти неслышным, полным первобытного ужаса. — Не могу. Он… все, что у меня осталось. — Я замер.

— Осталось? — Осторожно переспросил я. Молчание затянулось. Я уже думал, что она не ответит, что переступила грань откровенности. Но потом голос донесся снова, тихий и плоский, как гладь мертвого озера:

— Мама. Она… пропала. Три года назад. — Я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Пропала? — Я старался не напугать ее тоном.

— Да. — Коротко, без эмоций. Как будто она тысячу раз проговаривала это в голове, и чувства выгорели. — Ушла на рынок утром. И… не вернулась. Никогда. — Она немного помолчала, но затем продолжила. — Полиция искала. Отец нанял сыщиков. Ничего. Ни единой зацепки. Как будто… растворилась в воздухе. — Я закрыл глаза. Пропавшая мать три года назад. Сердечно больной отец на грани. И этот отель — их крепость и их бремя. Внезапно ее ледяная вежливость, ее сдержанность обрели страшный смысл. Это был панцирь. Панцирь, чтобы выжить.

— Мисс Андерсон… Николь, — я сознательно опустил формальность. — Это… ужасно. Я так сожалею. — За дверью послышался слабый, горький звук, похожий на сдавленную усмешку.

— Вот почему… вот почему я так испугалась сегодня. Если он… если он уйдет… — Голос оборвался. Она не могла договорить. Не могла произнести эту мысль вслух.

— Он борется, — твердо заявил я, глядя на щель под дверью, будто мог передать ей свою уверенность взглядом. — Он борется, потому что знает — вы здесь. Вы его якорь. — Тишина. Потом — едва слышный звук, будто она провела рукой по дереву двери с моей стороны.

— Вы… вы все еще там? — спросила она, и в ее голосе впервые прозвучала неуверенность, почти детская потребность в подтверждении.

— Да, — мой ответ был без колебаний, но тихий; я придвинулся ближе к двери, так что мое плечо почти касалось дерева. — Я здесь. Столько, сколько нужно.

— Спасибо, мистер Кларк. Просто… сидите. Пожалуйста. Я… я не хочу быть одна. Сейчас. — Глубокий, дрожащий вдох за дверью.

— Хорошо, — тихо сказал я. — Я никуда не уйду.

Наступило молчание. Но теперь оно было иным. Не тяжелым, не гнетущим. Оно было наполнено хрупким доверием, протянутой через преграду нитью понимания. Я сидел на холодном полу, спиной к двери, за которой билось израненное сердце девушки, потерявшей мать и боявшейся потерять отца. Я не знал утешительных слов. Не мог обещать чуда для Грегори или найти ответы о пропавшей матери. Но я мог быть здесь. Молчаливым свидетелем ее горя. Опорой

у двери в темноте.

Где-то внизу тикали часы, отсчитывая время, которое могло быть подарком или приговором для старого трактирщика. А в узком коридоре под крышей «Гроув» я, охотник за призраками и маньяками, совершал, возможно, самое важное дежурство в своей жизни — охраняя покой девушки, которая только что доверила мне свои самые страшные тайны, разделенные толщиной старого дуба. И в этой тишине, под мерный звук ее успокаивающегося дыхания за дверью, я вдруг понял, что стена между нами треснула. Не рухнула, но треснула. И сквозь щель просачивался не свет, а мужество и горечь, сплетенные воедино. И это было важнее любой улики.

[1] Пенсне — род очков, держащихся при помощи пружинки, защемляющей переносицу.

ГЛАВА 10

Комната тонула в предрассветных сумерках. Тусклый свет газовой лампы у зеркала едва разгонял тени в углах, выхватывая лишь островки беспорядка: брошенную на стул шаль, недопитую чашку остывшего чая, раскрытую книгу на ночном столике. Хозяйка этой спальни сидела за туалетным столиком, спиной к двери. Она смотрела на свое отражение в овальном зеркале — усталые глаза, преждевременные морщинки у губ, следы былой красоты, увядающей под грузом не названных вслух забот. Ей было около сорока, и жизнь казалась бесконечной серой равниной без ориентиров.

Она не услышала, как дверь бесшумно приоткрылась. Не почувствовала движения воздуха. Тень, длинная и бесформенная, отделилась от мрака коридора и скользнула внутрь. Человек в темном, от подошв до перчаток, без лица, без звука. Призрак, материализовавшийся в ее самом личном пространстве.

Женщина вздрогнула, когда холодная кожа перчатки кос-

нулась ее обнаженного плеча. Она метнула взгляд в зеркало — и увидела за своей спиной силуэт. Рот ее открылся, чтобы вскрикнуть, но сильная рука в перчатке уже легла ей на лоб, резко запрокидывая голову назад. В глазах мелькнул дикий, животный ужас. Она попыталась встать, оттолкнуться, но ее тело, изнуренное тревогами и бессонницей, было слабым.

— Тише, — голос за спиной был низким, нарочито спокойным, как шелест погребального савана. — Не делайте резких движений. Это лишь… облегчение. — Она почувствовала острый укол у основания шеи, чуть ниже линии волос. Быстро, профессионально. Не боль, а лишь короткое жжение, как от укуса осы. Потом — мгновенное онемение. Сила покинула ее руки, ноги. Тело обмякло на стуле, удерживаемое лишь хваткой убийцы.

«Морфий». Мысль пронеслась сквозь нарастающий туман в голове. «Он вколол мне морфий…» Ужас сменился странной, тяжелой апатией. Мир поплыл. Зеркало расплылось в цветных пятнах. Именно в этот момент, когда женщина в последнем судорожном рывке пыталась вырваться, рука убийцы дрогнула. Из кармана его темного пальто, куда он сунул руку за ампулой морфия после инъекции, выскользнул маленький стеклянный цилиндрик и упал на толстый ворсистый ковер у ног стула. Ампула катилась бесшумно, закатившись под край тяжелого кресла в полутьме. Убийца, сосредоточенный на удерживании жертвы и подготовке сцены, не заметил потери. Адреналин, тихий шелест ковра — ампула

исчезла.

Голос убийцы прозвучал где-то далеко, словно из-под воды:

— Вам было так тяжело. Все знали. Ваше одиночество… Ваша тоска… Ваши… боли. — Каждое слово было ядовитым шепотом, вплетающим ложь в ее угасающее сознание. — Вы заслужили покой. Заслуженный, мирный покой.

Он осторожно усадил ее безвольное тело на пол, прислонив к туалетному столику. Голова бессильно упала на грудь. Руки безвольно лежали на коленях. Он взял ее правую руку — рука была теплой, но уже неживой, куклой в его перчатках. Он вложил в пальцы небольшой стеклянный шприц — чистый, блестящий, без следов отпечатков. Рядом на ковре он положил пустой пузырек с этикеткой «Морфий. Раствор для инъекций». Пузырек был полустерт, как будто долго носили в кармане.

Потом он встал и подошел к письменному столу у окна. Достал из кармана лист бумаги — простой, немаркированный, но состаренный несколькими днями ношения в кармане. Положил его на чистый бланк. Взял перо, обмакнул в чернила. И начал писать. Почерк был неестественным — старательно копирующим нервную дрожь, но узнаваемым как ее собственный, изученный по украденным письмам.

«Простите всех. Боль невыносима. Ни сна, ни покоя. Только морфий дает забвение. Но и оно кончается. Так лучше. Не ищите виноватых. Я сама устала. Э.»

Он аккуратно положил письмо на видное место, рядом с потухшей лампой. Рядом поставил полупустую стопку с настоем валерианы — горьким, но безобидным снотворным. Пусть думают, что она пыталась уснуть, но не смогла без морфия.

Убийца оглядел сцену. Тело, сидящее в неестественно сломанной позе у столика. Шприц в ослабевших пальцах. Пустой пузырек. Прощальная записка. Снотворное. Картина отчаяния и добровольного ухода была безупречна. Он поправил складку на ее платье из мягкой лавандовой шерсти. Пахло лавандой и… начинающимся разложением страха.

Он потушил газовую лампу у зеркала, оставив комнату в серых сумерках. Последний раз взглянул на женщину. Ее глаза были полуоткрыты, стеклянные, устремленные в пустоту. В них уже не было ужаса. Только бесконечная, тяжелая пустота морфийного забвения, в котором она и останется для всех — самоубийцей, не вынесшей своей боли.

Убийца растворился в темноте коридора так же бесшумно, как и появился. На рассвете горничная найдет свою госпожу. Вскрикнет от ужаса. Побежит за доктором. И все сойдется: записка, шприц, пузырек, давние жалобы хозяйки на нервы и бессонницу. Трагическое, но объяснимое самоубийство от передозировки морфия.

В комнате пахло лавандой, чернилами и начинающейся смертью. Женщина осталась сидеть у зеркала, в котором больше не отражалось ни страха, ни жизни. Только тщатель-

но поставленная мизансцена последнего акта, режиссер которого уже смешался с тенями Гринсайда, оставив после себя лишь горький привкус морфия и безмолвный вопрос: кому мешала эта женщина? Ответ знал только «Сад» и его безликий садовник, умеющий срывать жизни с корнем, оставляя лишь видимость самоуничтожения.

Первые лучи рассвета, бледные и холодные, заглядывали в окно номера, когда я наконец переступил его порог. Я чувствовал себя выжатым, как лимон. Тело ныло от ночи, проведенной на жестком полу коридора, спина протестовала против неудобной позы, а веки слипались. Но в голове, сквозь туман усталости, ясно горела одна мысль: систематизировать.

Я запер дверь, сбросил сюртук, зажег керосиновую лампу. Желтый свет залил стол, где лежал мой потрепанный блокнот — хроника хаоса и смертей Гринсайда. Я сел, взял перо,

открыл чернильницу. Глубокий вдох. И начал писать, выводя на чистом листе заголовок: «Первые зацепки».

Прошло несколько минут, я перечитал написанное. Логическая цепь, хоть и зыбкая, вырисовывалась. Фабрика, цифра 25, медальон — все сходилось к одному месту. И к одной организации. Я сложил лист, вложил в конверт, надписал адрес: инспектору Винстану Девонширу, Хайд-стрит, 45, Винтерфилд. Винстан мог копнуть глубже в столичных архивах, найти то, что недоступно мне здесь.

Дверь стукнула за моей спиной. Я отправился на поиски Генри. Спускаясь вниз по лестнице, я приметил Николь, сидевшую в небольшой нише у окна, залитой утренним светом или чем-то напоминающим свет. На коленях у нее лежала книга. Она была погружена в чтение, лицо сосредоточенное, следы вчерашних слез и страха почти исчезли, сменившись знакомым огоньком увлеченности. Увидев меня, она слегка вздрогнула и закрыла книгу, но не смутилась. Это была не счетная книга отеля, а «Лунный камень» Уилки Коллинза.

— Маленькая леди, — я подошел ближе. — Как ваш отец?

— Спит, — ответила она. Голос был тихим, но ровным. — Ему нужен полный покой. — В ее взгляде, направленном точно мне в глаза, была искренняя благодарность, лишенная прежней ледяной стены. — Спасибо. За то, что… были там. Это… значило многое.

— Я рад, что смог хоть как-то помочь, — мой взгляд упал на книгу. — Уилки Коллинз. Хороший выбор для тяжелого

утра. — Небольшая улыбка тронула ее губы.

— Пытаюсь отвлечься. И… найти ответы там, где их нет в жизни. — Она бережно провела рукой по обложке. — Сержант Кафф… он такой методичный. Всегда находит ниточку.

— Иногда и в жизни ниточки находятся, — я думал о медальоне, лежащем в моем ящике. — Маленькая леди, ваш отец был знаком с Майклом Льюисом?

— Да, он иногда бывал в нашем отеле вместе с женой. — Она отложила книгу, и ее лицо стало серьезным. — Вы думаете, мой отец как-то к этому причастен?

— Что вы, все немного иначе… Скажите, а после смерти мистера Льюиса кто-то приходил к вашему отцу, интересовался его делами? Может, странные разговоры? — Николь нахмурилась.

— Было много странных людей, в основном скупщики, желавшие поживиться. Но выделить конкретного человека не смогу, отец не посвящает меня в такие дела.

— Я вас понял, благодарю. — Минута молчания, заставившая меня хоть как-то удержать разговор. — Мисс Андерсон, вы читали «Собаку Баскервилей»?

— Еще нет, только «Этюд в багровых тонах». — Ее глаза распахнулись в удивлении. Я удалился в комнату и, вернувшись, достал из внутреннего кармана сюртука небольшую потрепанную книжку в темно-синей обложке.

— Вот, возьмите. Лучшее, что написал сэр Артур, на мой

взгляд. Поможет отвлечься. — Я протянул в ее ладони «Собаку Баскервилей». Николь взяла книгу, искренняя радость вперемешку с удивлением светилась в ее глазах.

— Спасибо, мистер Кларк! Я… я верну, как только прочту.

— Не спешите, — я позволил себе небольшую улыбку. — Хороший детектив требует вдумчивого чтения. Как и хорошее расследование. — Я замер, думая над тем, как мне выйти на нужный след. — Можно… все же задать вам еще один вопрос? Кто-то из гостей, которые интересовались делами вашего отца, мог бы подойти к инициалам B.D.? — Мне нужна была ниточка, хотя бы одна, чтобы связать все это воедино.

— B.D., вы говорите… Нет, не помню, чтобы кто-то из этих людей соответствовал этим инициалам. — Она помолчала.

— Что ж, благодарю, извините, что отвлек вас от чтения. — Усталость и ночь без сна сказались на моем мышлении; нужно было работать над уликами дальше, однако час на сон уделить все же стоило. Я развернулся, направляясь к комнате Генри.

— Подождите, мистер Кларк. — Николь ухватила меня за рукав и, вздрогнув, отпустила. В ее глазах блеснула искорка страха. — B.D. — это подозреваемый?

— Пока не знаю, но я уверен, что он причастен к осквернению могилы Призрака.

— Из тех, кто приходил к отцу с делами, не было таких людей, но вот есть человек, который всегда приходит к нам, иногда он интересуется делами отца и другими вещами, я думала, это простое любопытство. — Я подошел ближе к ней и оглянулся по сторонам.

— Кто он? — Вырвалось у меня, и я сам испугался своего тона.

— Байрон Деррик. — Медленно произнесла она.

— Мистер Деррик? Лекарь? — Я не унимался, возможно, это и есть он.

— Да. — Короткое подтверждение вселило в меня надежду на новую ниточку. — Сегодня вечером он навестит отца, он так сказал.

— Это очень важно, мисс Андерсон. Спасибо. — Я пытался подавить волнение. — Мне нужно идти. Увидимся позже. — До вечера у меня было время, чтобы вернуться обратно в отель. На улице был слышен детский смех. Быстрыми шагами я достиг выхода, где перед домом играл Генри с местными мальчишками. На удивление, он быстро сумел найти новых друзей, будто эта ситуация никак на него не повлияла.

— Генри, можно тебя на минуту? — Выкрикнул я, и мальчик замер среди толпы детей. Несмотря на то, что он был достаточно худым, так что одежда на нем казалась огромной, он был достаточно высок, выше, чем его сверстники.

— Доброе утро, сэр. — Его глаза светились детской радостью, но все же было что-то стальное, глубоко внутри.

— Срочно. Передай это письмо на почтовую карету до Винтерфилда. Сегодняшним рейсом, и никому об этом не говори. — Я сунул ему конверт и монету. Генри кивнул с серьезностью заправского шпиона и побежал вдоль по улице. Я же направился в другую сторону, до таверны «Три топора».

Таверна окутала меня смрадом: табак, кислое пиво, пот. Я протиснулся к стойке, где трактирщик с якорем на рукаве полировал кружки.

— Джонатан Пирс? — Перекрывая гам, спросил я. Трактирщик хмыкнул, жестом указав в дальний угол.

— Пирс? Там, под балкой. Но не жди толку. Голова у мужика… поехала. Совсем. Сидит, пьет, бормочет черт знает что. Сумасшедший. — Я бросил монету.

— Два эля. Лучшего. Один ему. — Трактирщик пожал плечами, налил две мутные порции.

Угловой стол. Человек за ним был жалкой пародией на репортера. Одежда — грязный мешок. Волосы — сальные пряди. Лицо — запавшее, с лихорадочным блеском глаз, бегающих по комнате. Шепот сливался с гудением таверны.

— Мистер Пирс? — Осторожно начал я, ставя кружку. Глаза Пирса метнулись на меня, полные дикого страха.

— Вы… от «них»? Заткнуть меня? Как тогда? Голосами? Шелестом?

— Нет. Я о старом деле. О Льюисе. Миллере. Торнтоне. Эверарде. О «маньяке». — Пирс схватил кружку, жадно глотнул.

— Льюис… Да! Не дал грабить докеров! А они… они грабят весь город! — Он наклонился, запах дешевого спирта и немытого тела ударил в нос. — Хеллтон! Его «Сад»! Видишь? — Он махнул рукой вокруг. — Все их! Торговля? Ха! Контрабанда! Под прикрытием развития порта! Шелк? Фарфор? Опиум? Все течет через их руки! А налоги? Исчезают! Как Льюис!

— Контрабанда? Под прикрытием мэра? — Уточнил я, цепляясь за конкретику.

— Кто же еще? — Пирс фыркнул. — Его «Комитет торговли». Лоббисты. Все в доле! А чтобы мы не копали… — Он понизил голос до страшного шепота: — …они строят! Понимаешь? Строят ерунду!

— Ерунду? Какую?

— Склады! — Выпалил Пирс, стуча кулаком по столу. — На болотах за Старым Доком! На склоне у Бромтонского кладбища! В тупиках, где крысы дохнут! Дорогущие! Из камня и железа! А зачем? Не для товара! — Его глаза безумно сверкали. — Для сокрытия! Там ямы! Туннели! Для контрабанды? Для… другого? — Он замер, прислушиваясь к несуществующим звукам. — Шелестит… опять шелестит…

— Эти склады… они на балансе города? Построены на городские деньги? — Настаивал я, игнорируя бред о шелесте.

— Конечно! — Пирс закатил глаза. — Благоустройство! Ха! Благоустройство их карманов! Подрядчики… их люди! Сметы… я видел сметы! Золотые сметы на свинцовые ко-

робки!

Трактирщик, насторожившийся от стонов, грубо взял Пирса под локоть.

— Все, Джонни, хватит! На воздух!

— Они идут! Слышишь? В стенах! — Завизжал Пирс, указывая в пустоту. Его потащили к выходу.

Я вскочил, сунул трактирщику монету. В ушах звенело, но я понимал, что даже в его бессмыслице была правда. Трактирщик быстро вывел Пирса на улицу, оставив меня одного с его бредом. Я вышел на улицу, закурив сигару. Дождь опять норовил облить меня с ног до головы. Что же строит мэр? Постройки за кладбищем? Для чего? Что-то спрятать? Хранить? Может, Пирс прав… Нужно было идти в отель и покопаться в бумагах.

Пересекая улицы, я пробирался к отелю; морось уже покрыла мой плащ, отдавая неприятной прохладой. Мне навстречу бежал Генри.

— Сэр! Сэр! — Весь встревоженный, он дергал меня за рукав. — Я видел кучу полисменов на Квин-стрит.

— Ты знаешь, что там случилось? — Я нагнулся к мальчику, уводя его ближе к дому.

— Говорят, госпожа Вейн покончила с собой. — Тихо пробурчал он.

— Говори адрес и беги домой, а то промокнешь, — я снял с себя плащ и накинул на плечи Генри. — Вот, не мерзни.

— Спасибо, сэр, — Генри поправил плащ. — Квин-стрит,

— Передай мисс Андерсон, что я немного задержусь. — Быстрыми шагами я направился к дому миссис Вейн.

Дверь распахнулась раньше, чем я успел коснуться ручки. Запах — первое, что ударило в ноздри. Дорогие духи, перебитые резкой химической нотой… и подспудно, едва уловимо — медная сладость крови и что-то горькое, лекарственное. Морфий.

Меня встретил лес синих мундиров. И двое, выделяющихся, как вороны на снегу. Инспектор Флемминг — весь из острых углов и холодных глаз, напоминающих старые пуговицы. Рядом — лейтенант Картер. Высокий, поджарый, с челюстью, будто высеченной из гранита.

— Лейтенант Картер? Рад встрече с вами, сожалею, что нам снова приходится видеться при таких обстоятельствах.

— Мы знакомы, мистер? — Его непонимающее лицо вытянулось, будто он действительно не запомнил меня после нашей поездки. Именно тогда я заметил отличия. Рукав на его левой руке был нетронутым нервным тиком, никаких потертостей.

— Вы Джозеф Картер, или я смею ошибаться? — Я подошел ближе, поправляя галстук.

— Ошибаетесь, я его брат, лейтенант Жан Картер. — Его горделивое, даже насмешливое лицо подтвердило их родство в моих глазах.

— Рад знакомству, я инспектор Итан Кларк из Винтер-

филда. Ваше сходство с братом умопомрачительное, даже в карьере вы безумно схожи. — За разговором взгляд бегал по сторонам, но осторожно высматривая детали. — Так что же тут произошло?

— Ничего, что могло бы быть достойным вашего внимания. — Жан, как и Джозеф, был сух и непреклонен.

— О, инспектор Кларк? — Флемминг протянул руку с мокрой от пота ладонью. Голос скрипучий, как несмазанные ворота. — Ждем с отчетом? Не торопитесь. Печальное дело. Самоубийство. Миссис Элеонора Вейн. Не выдержала утраты, недавно у нее умерла мать, она была не в себе, говорят.

Жан Картер лишь кивнул, его взгляд скользнул по мне, оценивающе, как по подозрительному пятну на ковре. Без тени тепла. Семейное сходство лишь подчеркивало пропасть.

— Мои соболезнования городу, — пробормотал я, стараясь выглядеть озабоченным бюрократом. — Протокол требует визуального осмотра места. Для отчета. Правозащитные аспекты, понимаете. — Флемминг обменялся быстрым взглядом с Картером. Лейтенант сделал шаг вперед, почти преграждая путь в гостиную, откуда шел тот самый коктейль запахов.

— Нецелесообразно, инспектор, — произнес Картер ровно. Его голос был низким, без эмоций. — Сцена… не для посторонних глаз. Мы все задокументировали. Фото, опись. Вскрытие подтвердит отравление морфием. Ваше присутствие только нарушит… хрупкость момента. — «Хрупкость

момента». Отличный эвфемизм для трупа. Я почувствовал, как зашевелились старые сыщицкие инстинкты. Слишком стараются отгородить. Слишком чисто.

— Протокол есть протокол, лейтенант, — настаивал я, пытаясь заглянуть за его плечо. — Хотя бы беглый взгляд. Чтобы я мог написать: «Лично убедился в отсутствии признаков внешнего воздействия». Флемминг закашлял.

— Инспектор Кларк, мы ценим ваше… рвение. Но позвольте профессионалам завершить работу. В коридоре уже ждет гробовщик. Уважение к покойной, понимаете?

Именно в этот момент, пока Флемминг отвлекал меня своим лицемерным клокотанием, а Картер следил за моими глазами, мой взгляд случайно упал в проем двери гостиной. На мгновение толпа полисменов расступилась.

Она лежала у туалетного столика, Элеонора Вейн. Изысканное платье, беспорядок в некогда безупречной прическе. И — вот оно. На ее тонком, бледном запястье, чуть выше манжеты. Небольшие, но отчетливые ссадины. Как будто кто-то с силой схватил. Несовместимо с аккуратным уколом в вену, который делает сама себе решившаяся на смерть женщина. Сердце екнуло. Сопротивление.

Я быстро отвел взгляд, делая вид, что смотрю на часы. Флемминг что-то говорил про бюрократические проволочки. Я кивал, роя в кармане пальто.

— Проклятая привычка, — вздохнул я с натянутой виноватой улыбкой, доставая портсигар. — Нервы. Не возража-

ете, если я выйду на крыльцо? Пару затяжек — и я снова в строю. А вы пока подготовьте для меня материалы? Для сверки. — Флемминг поморщился, но кивнул с облегчением — назойливый инспектор хотя бы уберется с глаз долой на пару минут. Картер лишь холодно наблюдал, как я поворачиваюсь к выходу.

Вместо крыльца я свернул в первый же открытый дверной проем — кабинет, судя по тяжелому столу и книжным шкафам. Дверь прикрыл, но не полностью. Уши напряжены до предела. Шагов снаружи не слышно.

Мой взгляд скользил по комнате. Богато, но безвкусно. Статуэтки, картины в золотых рамах. И тут… несоответствие. Угол персидского ковра у стены был слегка приподнят, будто его торопливо опустили. Я осторожно приподнял ковер. Ничего. Плитки паркета. Но одна… Одна плитка возле самой стены казалась чуть менее пыльной по краям. Я надавил пальцем на край. Она качнулась! Миниатюрный люк. Под ней — мелкая ниша. И в ней — две вещи: небольшая, потрепанная счетная книга в черном кожаном переплете и сложенный листок бумаги.

Времени не было. Я схватил оба. Книгу — в глубокий внутренний карман пальто. Письмо — сунул за пазуху пиджака. Опустил плитку, вернул ковер. Встал, отряхнулся. Глубокий вдох.

Вышел в коридор как раз в тот момент, когда Флемминг, держа папку, оборачивался с явным намерением идти за

мной.

— А, инспектор! Вот и бумаги. Освежились?

— Значительно, — я затянулся воображаемой сигаретой, делая вид, что гашу о подошву ботинка. — Спасибо. А теперь, если позволите, я все же бегло… — Я сделал шаг к гостиной. Картер снова встал на пути. Его лицо было каменным.

— Гробовщик уже работает, инспектор Кларк. Уважение к мертвым превыше ваших отчетов. Осмотр окончен. — В его голосе звучала не просто холодность, а угроза. Я поднял руки в мнимом поражении.

— Как скажете, лейтенант. — Я взял документы у Флемминга. — Я изучу ваши материалы. Возможно, позже задам несколько уточняющих вопросов. Особенно касательно… источников морфия. Случайно не из Св. Марии? Слышал, там бывают утечки.

Я видел, как мгновенно напряглись оба. Картер даже чуть сжал кулаки.

— Мы расследуем все возможные источники, инспектор, — прошипел Флемминг. — Не беспокойтесь.

— О, я не беспокоюсь, — улыбнулся я без тени тепла. — Я просто делаю свою работу. До свидания, господа. Мои соболезнования городу еще раз.

Я спустился по ступеням, чувствуя их взгляды у себя на спине. Холодные, колючие. Как иглы. Дождь хлестал теперь с новой силой. Я отошел от дома недалеко по улице и дождал-

ся, когда все покинут дом. Под покровом дождя я вернулся. Пара махинаций с отмычками, и дверь тихо открылась. Я прошел по коридору в опустевшую, но все еще пахнувшую смертью комнату. Слишком чисто. Я начал проверять самые мелкие детали: туалетный столик, следы на ковре. Когда полисмены так наследили, обнаружить подозрительные следы практически невозможно. Рядом с ковром, под тяжелым креслом из красного дерева, что-то блеснуло слабо, отражая тусклый свет из окна.

Я присел на корточки. Замер. Ни звука из коридора. Протянул руку под кресло. Пальцы нащупали маленький стеклянный цилиндр. Ампула. Пустая. На белом стекле — четкая черная надпись: «GH-5. St. Mary's Hosp. Партия №1743».

Св. Мария. Городская больница. Морфий. Но партия… Партия GH-5. Не просто так. Это улика. Кто-то выронил ампулу. Кто? Убийца? Или сама Элеонора? Судя по следам на ампуле, ее вскрыли совсем недавно. Значит, инъекция была сделана из данной ампулы, тогда та, что была рядом с телом Элеоноры, — пустышка, которую просто подложили.

Я сунул ампулу в карман пиджака, сердце колотилось как барабан. Нужно было уходить, пока никто не заметил. Инстинкт гнал меня дальше. Я направился в отель, куда вот-вот должен был прийти лекарь. Каменный узор мелькал под ногами, смоченный ледяной водой. Запах сырости перемешивался с зеленью и ароматами из булочных. Но глаза уже устали видеть свинцовые тучи, не покидающие город, пряча

под своей тенью то, что я так старался найти.

Наконец знакомый фасад здания, мокрый и темный, но внутри можно было почувствовать тепло и уют. Меня встретил приятный свет горелок, повеяло чем-то домашним. Выпечкой, которая напомнила мне о доме в Винтерфилде. Сладкий аромат булочек пропитал все вокруг, перекрывая запах смерти, что я нес за пазухой.

Посреди ковра, рядом с добротным, но потертым диваном, копошился Генри. Уличный мальчишка теперь выглядел совершенно иначе. Лицо было чистым, волосы приглажены (хотя все равно торчали вихром), а в глазах горел азарт. И объектом его безудержного внимания был… пес.

Не просто пес, а настоящее лохмато-хвостатое воплощение винтерфилдских задворок. Среднего размера, но худой до костистости, так что ребра проступали под грязно-рыжеватой шерстью, свалявшейся в колтуны на боках и загривке. Голова казалась крупноватой для тощего тела, с длинной мордой и висячими, лохматыми ушами, которые Генри то и дело пытался оттянуть в игре. Шерсть на морде была светлее, почти палевой, особенно вокруг умных, карих глаз, которые смотрели на мальчишку с преданным безумием и следами недавних передряг. Над одним глазом краснела свежая ссадина, а на передней лапе, которую пес неловко поджимал, виднелась грубо перевязанная тряпицей рана.

Пес вилял обрубком хвоста (видимо, пострадавшим в какой-то прошлой стычке) с такой силой, что все его тощее те-

ло извивалось от восторга. Он то покорно валился на спину, подставляя брюхо для почесываний, то с игривым рыком вскакивал и пытался лизнуть Генри в лицо, путаясь в своих же длинных, грязных лапах. Он был весь — энергия, благодарность и полное отсутствие породистости. Типичный дворовый терьер, метис Бог знает чего, выживший вопреки всему.

— А ну-ка, Бакстер, дай лапу! Дай! — Командовал Генри, его голос звенел от счастья, совершенно незнакомого мне в его уличной жизни. «Бакстер»? Я усмехнулся про себя. Благородное имя для простой дворняги.

На диване сидела Николь. Ее обычно спокойное лицо светилось теплой улыбкой, наблюдая за игрой. В руках она держала моток чистых бинтов и небольшую баночку с мазью. Видно было, что именно она обработала раны пса.

— Ну как, детектив Кларк? — Обернулась она ко мне, услышав шаги. Ее голос, обычно такой деловой, сейчас звучал мягко. — Ужасный вечер для прогулок. Надеюсь, ваша инспекция прошла… продуктивно?

Я сбросил мокрый плащ на вешалку, чувствуя, как напряжение особняка Вейн понемногу отступает перед этим домашним хаосом.

— Скорее, предсказуемо бюрократично, маленькая леди, — ответил я уклончиво, подходя ближе. — А у вас тут, я вижу, целый цирк развернулся. Что за… э… прелестное создание? — Я кивнул на пса, который, завидев нового чело-

века, на мгновение прижал уши, но, уловив мой тон, тут же возобновил виляние культяпкой.

Генри вскочил, его глаза загорелись, готовые излить целую историю.

— Это Бакстер, мистер Кларк! Я его спас! Прямо тут, на Сэвил-роу! — Он выпалил слова так быстро, что едва не запыхался. — Эти подонки, Билл Кривой и его шайка, они… они его травили! Кидали камнями, палкой били! Хотели на цепь посадить, для боев! — Генри сжал кулачки, и на его лице промелькнуло то самое ожесточение улицы, которое я знал. Но оно быстро сменилось гордостью. — Я не стерпел! Заорал на них, что позову констебля… ну, или вас! Они знают, вы важный инспектор! — Он явно приписал мне больше власти, чем у меня было в этом городе. — Они испугались, псы паршивые! Отступили! А Бакстер… он ко мне сразу прибежал! Прям обнял меня лапами! Видел, как он лапу поджимает? Это они ему!

— Я вижу, — сказал я, глядя на перевязанную лапу. Пес, услышав свое новое имя (или тон Генри), подбежал и тыкался холодным носом мне в руку, выпрашивая внимание. Его шерсть пахла дождем, пылью и едва уловимо — карболкой от мази. — И ты привел его сюда?

— Ну да! — Генри кивнул с пылом. — Он же раненый! И голодный! Николь, она… она разрешила! И помогла! Правда, Николь?

Николь встала, поправляя фартук.

— Не могла же я оставить бедное животное на улице после такого, мистер Кларк, — сказала она просто. — Особенно когда Генри так умолял. Он у нас настоящий защитник слабых получился. — Она ласково потрепала Генри по вихрастой голове. — Я промыла раны, перевязала. Сейчас покормлю его куриными остатками с кухни. Он, кажется, не опасен. Просто напуган и благодарен.

Я присел на корточки, позволив Бакстеру обнюхать мою руку. Пес осторожно лизнул мне пальцы. Его карие глаза, умные и печальные, смотрели прямо в душу. В них читались и страх, и надежда. Спасенный мальчишкой-вором и пригретый дочерью трактирщика… В этом была какая-то горькая ирония, но и чистая правда этого города. Доброта пробивалась сквозь грязь.

— Хороший пес, Бакстер, — проговорил я тихо, почесав его за ухом. Пес зажмурился от блаженства. — Очень храбрый, раз отбился от таких. И тебе, Генри, спасибо. Поступил правильно. — Гордость на лице мальчишки вспыхнула ярче пламени в камине. Он снова бросился к Бакстеру, обнимая его за шею. Пес ответственно вылизывал ему щеку.

Я поднялся, встречая взгляд Николь. В ее глазах читалось понимание. Она знала, чем я обеспокоен. И вид моей усталости, наверное, говорил ей больше, чем слова.

— Я попрошу отца не гнать его, — тихо сказала она, глядя на мальчика и пса. — Пока… пока он нуждается в крыше. Бродячих собак в городе и так полно, но эту… эту Генри

спас.

Я кивнул. В кармане пиджака ампула с маркировкой GH-5 была холодным напоминанием о жестокости, поджидавшей за стенами этого старого отеля. Книга и письмо мэра жгли грудь. Я смотрел на Генри, смеющегося в объятиях лохматого дворняги, на Николь, с ее добрыми, но усталыми глазами. Они нашли островок спасения в этом море лжи.

«Защитить», — пронеслось в голове. Защитить их от тени, которая убивала Элеонору Вейн. От мэра, от всего этого гнилого Гринсайда. Пес Бакстер получил свой шанс. Теперь мне нужно было сделать все, чтобы шанс был у них.

— Спасибо, маленькая леди, — сказал я искренне. — За теплый угол. И за… цирк. — Я позволил себе слабую улыбку, глядя, как Бакстер пытается ухватить край фартука Николь, уходящей на кухню за обещанной курицей. Генри с визгом кинулся за ними.

— Мистер Кларк, — Николь приглушила голос, сходя на шепот. — Лекарь вот-вот придет.

— Благодарю вас. — Бросил я, понимая, что на сегодня работа еще не окончена.

Я остался один в гостиной. Веселье мальчишки и доверчивый взгляд пса были лучшим лекарством. Но ненадолго. Завтра — новая битва. Я потянулся к внутреннему карману, где лежала счетная книга. Км. Казна мэра. Объект нецелесообразен. Завтра я начну копать под этот «нецелесообразный» камень. Ради Элеоноры. Ради Генри и его Бакстера.

Ради этого крошечного островка тепла в холодном, лживом городе.

Войдя в комнату, мне казалось, что тени сгущаются, превращаются в фигуры, готовые напасть, если я проявлю слабость. И хотя эта слабость у меня все же была всегда, но сейчас, казалось, будто она поглотила меня, выдавливала воздух из легких, сжимала сердце с чудовищной силой. Груз, что я спрятал в кармане, должен был быть обнажен, но тень усталости явно заставляла думать, что я могу наделить смыслом то, что на самом деле не имеет никакого значения. Может, я и детектив, но порой я сомневаюсь в том, какова моя истинная цель. Теплый свет от зажженной мной горелки осветил мой и без того потрепанный вид. Бумага хрустнула в пальцах, когда я вытягивал на свет тайну из кармана.

ГЛАВА 11

Он родился в Порт-Хейвене. Его первые воспоминания были наполнены соленым ветром, грохотом стапелей и криками грузчиков другого порта. Мать, крепкая ланкаширская колли с умными глазами, принадлежала капитану Джозайе Холту, старому морскому волку с седой бородой и сердцем, слишком мягким для его профессии. Джозайя видел в щенках не просто приплод, а потенциал. И в одном, самом крупном и любопытном рыжем кобельке с необычно крупными лапами и цепким взглядом — особый дар.

Его назвали Фоксом. Не по прихоти, а по фамилии знаменитого корабельного офицера, основателя спасателей на море Генри Фокса, которого капитан Холт боготворил. Щенячье детство Фокса не было игрой. Это была школа. Суровая, требовательная, но основанная на уважении и поощрении. Капитан Холт и его помощник, бывший боцман с терпением святого, учили щенка не командам послушания, а поиску и спасению.

Нос — его главный инструмент. Его учили различать десятки запахов, выделяя один — запах человеческого страха, пота, жизни под угрозой. Прятали тряпки, пропитанные потом, в грудах мокрых канатов, под углем, в затопленных макетах трюмов. Награда — не лакомство, а восторженная похвала капитана, его грубая, теплая ладонь на голове.

Бег по мокрым, скользким сходням. Плавание в ледяной воде доков. Лазание по неустойчивым грудам леса и тюков. Фокс учился преодолевать страх высоты, холода, темноты. Его лапы крепли, покрываясь первыми мозолями — будущими шрамами.

Рев сирен, имитирующих шторм или аварию. Грохот падающих ящиков (безопасно, но громко). Поиск «пострадавшего» (помощника капитана) под завалом бочек или в лабиринте складских помещений, заполненных дымом от дымовых шашек. Фокс учился не паниковать, а работать. Его карие глаза за годы тренировок приобрели сосредоточенную, почти человеческую мудрость и спокойствие перед лицом хаоса.

Когда Фоксу исполнилось два года, он был готов. Настоящим испытанием стал реальный вызов: ребенок, упавший с причала в мутную, ледяную воду в разгар отлива. Фокс, не дожидаясь команды, бросился следом. Его мощные лапы рассекали воду, нос работал, отфильтровывая соль, тину и нефть, вычленяя слабый запах детского страха. Он нашел мальчишку под сваями, схватил за куртку и вытащил на бе-

рег под восторженные крики толпы. С этого дня слава о «Рыжем Джеке» (как его прозвали докеры) пошла по порту.

Капитан Холт взял Фокса с собой в Гринсайд, получив место начальника портовой спасательной службы. Здесь Фокс стал легендой. Он находил: пьяного матроса, заснувшего и завалившегося под штабель шерстяных тюков в душном трюме; двух докеров, запертых в затопляемом отсеке после аварии на старой угольной барже; старую Мэгги, торговку рыбой, провалившуюся в люк во время ночного шторма.

Каждый спасенный оставлял на его ошейнике, помимо стандартной латунной бирки с именем, маленький значок — якорь, спасательный круг, рыбу. Капитан Холт гордился им как сыном. Фокс был не просто инструментом, он был другом, героем, частью команды. Он спал в теплой конуре у капитанской будки, ел лучшие куски мяса из рук благодарных спасенных, его шерсть лоснилась от здоровья, а глаза светились преданностью и удовлетворением от работы.

Капитан Холт умер. Не в море, а тихо, во сне, от старого сердца. Для Фокса это был крах мира. Новый начальник спасательной службы, мистер Крюгер, был человеком расчетливым и циничным. Он видел в собаках расходы. А в Фоксе, которому уже шел шестой год, — «устаревшую модель».

— Зачем нам этот старик? — услышал однажды Фокс сквозь дверь кабинета (его нос улавливал запах презрения Крюгера). — Корма, ветеринар, место… Молодых щенков можно натаскать быстрее и дешевле. Сдать в живодерню?

Жалко. Выбросить за ворота. Пусть сам о себе позаботится. Герой, говорите? Сентиментальность.

Его не просто выгнали. Его предали. С него сняли ошейник с биркой и значками — символы его жизни и подвигов. Пинали ногами, когда он пытался пролезть обратно на знакомую территорию доков. Его мир сузился до грязных улиц, вонючих помоек и вечного голода.

Первые месяцы были адом. Его профессиональные навыки оказались бесполезны без надежного хозяина. Его нос, вынюхивавший людей едва ли не под водой, теперь улавливал лишь запахи гнили и отчаяния. Попытки приблизиться к людям заканчивались пинками или камнями. Он стал мишенью.

Стаи голодных дворняг видели в крупном, но ослабевшем псе угрозу и добычу. Он дрался, защищая скудную падаль. Шрамы на боках, ушах и морде — следы тех боев. Его сила и выучка спасали ему жизнь, но отнимали последние силы.

Пьяные матросы травили его для забавы. Мальчишки кидали камни. Однажды, пытаясь укрыться от дождя под низким навесом склада, он попал лапой в ржавую ловушку для крыс. Боль была адской. Он вырвался, оставив клочья шкуры и крови на острых зубьях. Эта рана заживала долго и плохо, оставив глубокий рубец и хромоту в сырую погоду.

Зимы в портовом городе были сырыми и пронизывающими. Его короткая шерсть плохо грела. Он спал в кучах мусора, под полуразвалившимися телегами. Ел все, что мог най-

ти: объедки, дохлых крыс, кору. Его некогда мощное тело превратилось в скелет, обтянутый жесткой, тусклой шкурой цвета ржавчины и грязи. Ребра выпирали, бедра обвисли. Сила уходила, оставался лишь инстинкт выживания и глубокая, затаившаяся в самых потаенных уголках его собачьей души тоска по теплой руке на голове, по голосу, который зовет: «Фокс! Ищи! Молодец!»

Его умные карие глаза, когда-то полные уверенности, теперь смотрели на мир с осторожностью, усталой покорностью и тлеющей искоркой почти угасшей надежды. Он научился быть невидимым, сливаться с тенями, избегать людей. Он стал призраком Гринсайда, тенью былой славы, выброшенным инструментом, доживающим свои дни на помойке истории. Его нос, вынюхивавший жизнь, теперь лишь подтверждал запах смерти — его собственной медленной смерти от забвения и жестокости. До того дня, когда его путь пересекся с отчаянным мальчишкой, назвавшим его иначе, чем капитан, но это имя ему понравилось. Тогда инстинкт спасателя проснулся в нем вновь — но на этот раз он спасал только себя.

Письмо было коротким, отпечатанным на машинке, без подписи, но на бланке мэрии:

«Э. В. Уничтожить все компрометирующие материалы до прибытия инспекции. Особенно касательно доков. Немедленно. Р.Х.»

Р. Х. Мэр Хеллтон. «Уничтожить все». До моей инспекции. Значит, боялись инспекции, но, видимо, не знали, что я приеду раньше? Или просто перестраховались? И при чем тут доки?

Я открыл счетную книгу. Колонки цифр, даты, непонятные аббревиатуры. И имена. Много имен. И вот она, запись, обведенная несколько раз в красный кружок, как гнойник:

«Проект №7: Строительство здания близ доков О'Гарден. Аванс. Платеж Км. Казна мэра. Примечание: Объект нецелесообразен. Транспортная линия нарушена. Риск. Согласовано С. К.»

Км. Казна мэра. Платеж. С.К. — Согласовано с кем? И

главное: «Объект нецелесообразен». Зачем строить тюрьму в неудобном месте у доков? За такие деньги? Из казны мэра? Это пахло отмыванием и чем-то гораздо более темным. И Элеонора Вейн это знала. И кто-то заставил ее навсегда замолчать. Морфием из партии GH-5.

С. К. Кто это? Архитектор? Подрядчик?

Мне нужно было официальное основание копать глубже. Идея пришла мгновенно, с горькой усмешкой.

Мэр Хеллтон явно любит прессу. Любит выглядеть прогрессивным. Нужно прийти к нему и посмотреть, как он себя поведет. Скажу, что пишу позитивную статью о городском развитии для столичной газеты. И что хотел бы осветить новый, такой важный проект — тюрьму у доков О'Гарден. И, конечно, побеседовать с талантливым архитектором. Для «технических деталей».

Я вздохнул. А что, если мэр замешан во всем больше, чем я предполагаю? Но, с другой стороны, так я заставлю его действовать. Люди совершают ошибки чаще, если наступать им на пятки.

Мысли блуждали в голове; я бросил ампулу в ящик стола и направился в холл ожидать прихода мистера Деррика. Сделав пару шагов в сторону лестницы, мне навстречу выбежала Николь.

— Лекарь… — едва слышно произнесла она. — Он пришел. Я попросила его подождать. Скажите, он не навредит моему отцу? — Ее встревоженный вид отозвался мурашка-

ми по телу. Вдруг ее суждения были верны, но мне нужно было убедиться.

— Вы разрешите мне присутствовать вместе с ним при осмотре, маленькая леди? Прошу, не переживайте без особых причин, я лишь проверяю информацию, вам не стоит волноваться. — Положив на ее плечо руку, я направил ее в сторону холла.

Лекарь стоял у дверей, переминаясь с ноги на ногу. Его истрепанный плащ с заплатками на карманах придавал ему жалкий вид, однако его лицо, поблекшее от усталости, было мягким, а выраженные морщины свидетельствовали о прожитых трудностях и опыте.

— Добрый вечер, мистер Деррик. — Я протянул ладонь для рукопожатия, и лекарь, дрожа, протянул руку в ответ.

— Приветствую вас, господин. — Его кашель, больше похожий на малярийный, едва не заставил меня отскочить от него, но я подавил инстинкт и продолжил стоять, убирая руку в карман. — Прошу прощения. Могу я пройти к господину Андерсону?

— Непременно, но я искренне намерен попросить вас взять меня с собой, я бы хотел поприсутствовать. Вы будете против? — Лекарь с удивлением взглянул на меня, но без замешательства. Скорее из-за любопытства узнать, по какой такой причине я намерен наблюдать за его работой.

— Если вы так хотите, то разумеется. Вы лекарь? — Его голос, старчески хрипловатый, навеял воспоминания о про-

шлом, но, собравшись, я продолжил.

— Нет, можно сказать, что я ученик аптекаря, знаю некоторые тонкости, но хотел бы узнать немного больше. Поэтому люблю понаблюдать за работой.

— Похвально, похвально. Что ж, для меня будет честью, если что-то новое вы узнаете от меня.

— Благодарю. — Мы прошли в комнату Грегори; на удивление, он уже был в более хорошей форме, хотя последствия приступа можно было наблюдать по его лицу и слабым рукам.

Лекарь раскрыл саквояж, доставая разные приспособления, стетоскоп, разные колбочки с лекарствами.

— Ну, мой друг, как вы себя чувствуете? — Байрон положил руку на предплечье Грегори, и тот слегка улыбнулся.

— Уже лучше, я готов вернуться к своим делам. — Добродушный взгляд лекаря проходил по Грегори внимательно, цепляясь за руки, лицо, точнее, за признаки болезни.

— Рад, дорогой мой, что у вас такой настрой, но не советую торопиться. Давайте сначала послушаем, что у вас там. — Он приподнял льняную рубашку Грегори, прислоняя к груди стетоскоп. — Ну, что же, все уже куда лучше. Еще немного покоя, и сможете вернуться в строй.

— Доктор, — помедлив, Грегори схватил его за край рукава. — Лучше честно… сколько? — его тон был с ноткой обреченности, но не без надежды.

— О таком говорить не стоит, время есть, я лишь лекарь,

и такие сроки я не указываю. Крепитесь, у вас дочь, так держитесь ради нее и не думайте о таком. — Из саквояжа он достал пузырек с какой-то настойкой. — Вот, принимать вы уже знаете как. Всего доброго, мистер Андерсон. — Байрон похлопал Грегори по плечу и покинул комнату; я же, кивнув Грегори, последовал за ним. Дверь закрылась, и лекарь повернулся ко мне.

— Мисс Андерсон сказала, что вы хотели поговорить со мной? — Голос у Байрона был тихим, хрипловатым, но спокойным. Мы спустились вниз, и он указал на стул напротив. — Прошу. Извините за вид — только от сложных родов на окраине. Старуха Мэлони, четвертый ребенок. Чудом вытащили обоих. — Я сел, оценивая человека. Лекарь не походил на таинственного агента «Сада». Он походил на выжатый лимон. Его пальцы, обхватывающие чашку чая, что поднесла служанка, слегка дрожали — от усталости или возраста? Глаза, умные и печальные, смотрели прямо, без хитрости, но с глубиной, накопленной за десятилетия борьбы со смертью в трущобах Гринсайда.

— Доктор Деррик, — начал я, опуская формальности. — Я благодарен за вашу помощь Грегори вчера и сегодня. Как вы оцениваете его состояние сейчас на самом деле? — Байрон вздохнул, запустив руку в седые, жидкие волосы.

— Сердечная недостаточность, мистер Кларк. Коварная штука. Как старый котел — давление скачет, клапаны изношены. Вчерашний приступ… сильный был. Очень. Благода-

ря Николь и ее быстрой реакции с лекарством — отвели беду. Но… — Он покачал головой, и в его глазах читалась искренняя боль врача, знающего пределы своих возможностей. — Каждый такой удар ослабляет мотор. Покой. Минимум волнений. Качественные лекарства… которые ему не всегда по карману, увы. — Он постучал пальцем по саквояжу. — Но я оставил, что смог. И загляну завтра.

— Вы лечите его давно? — спросил я, наблюдая за реакцией.

— Я всегда был лекарем в этой семье, лет десять не меньше, к другим они не обращаются, но эта болезнь появилась совсем недавно, — Байрон отхлебнул холодный чай. — Грегори… хороший человек. Тяжелую долю несет. И болезнь, и… — Он запнулся, бросив осторожный взгляд на лестницу, откуда могла появиться Николь. — …и горе. Потеря жены подкосила его. Сердце и душа — они связаны, мистер Кларк. Разбитое сердце редко бьется ровно.

— Вы упомянули лекарства. Морфий? При таких болях… — Я намеренно вбросил тему, следя за глазами доктора. Байрон нахмурился, не с раздражением, а с профессиональной озабоченностью.

— Морфий? Боже упаси! При его состоянии — это верный путь в могилу ускоренным шагом. Нет-нет. Слабые успокоительные на основе валерианы, наперстянка для сердца — строго по каплям! Ну еще лауданум[1], чтобы снять боль. Покой и диета. Морфий… это для безнадежных слу-

чаев, раковых болей. И то… опасное подспорье. Видел, как ломает людей. Не физически — душу. — В его голосе звучало глубокое убеждение и неприязнь к злоупотреблению, а не знание криминальных схем. Я перевел разговор.

— Доктор, вы много лет практикуете в Гринсайде. Слышали ли вы о… «Саде»? Или о странных смертях несколько лет назад — промышленников? Льюис, Миллер…

Лицо лекаря стало осторожным, почти испуганным. Он оглянулся, понизил голос:

— «Сад»? Слухи ходят. Плохие слухи. Болтовня трактирная. А смерти… да, трагедия была. Маньяк, говорили. — Он замолчал, его пальцы снова забегали по краю чашки. — Но, мистер Кларк, я лекарь. Ко мне приходят с лихорадкой, с переломами, с роженицами. Я вижу тела после, когда поздно. О причинах… это к коронеру, к полиции. Я стараюсь… держаться в стороне от большой политики и больших денег. В моем деле — чем тише, тем больше шансов помочь тем, кто действительно нуждается в помощи. — В его словах не было лжи, только усталая мудрость выжившего и страх перед сильными мира сего. Я видел: этот человек не врал. Его боязнь «Сада» была страхом обывателя перед непонятной и опасной силой, а не виной сообщника. Его дрожь — от переутомления и возраста. Его фокус — на больных вроде Грегори и старухи Мэлони, а не на заговорах. Он был чист.

— Понимаю, доктор, — я смягчил тон. — Просто проверяю все возможности. Спасибо за ваше время и за заботу о

Грегори. — Лекарь поднялся с трудом, его кости скрипнули.

— Он боец. И у него Николь — свет в окошке. Это лучшая медицина. — Он взял свой саквояж. — Мне пора. На Поганом переулке младенец колики мучают. А потом к лавочнику Смиту — подагра скрутила. — Он кивнул мне и засеменил к выходу, согнутый под тяжестью саквояжа и долга; его поношенный плащ сливался с серым небом за дверью.

Я смотрел ему вслед. Тупик. Лекарь был не игроком, а пешкой на доске жизни, как и его пациенты. Старый, честный, загнанный доктор, вытаскивающий бедняков с того света и боявшийся теней власти. Он не знал тайн «Сада». Он знал только боль, усталость и цену дешевых лекарств. Я отвернулся, чувствуя горечь разочарования и странное уважение к этому маленькому, несгибаемому человеку в потертом плаще. Охота продолжалась, но один подозреваемый был вычеркнут — без сомнений. Истина иногда была банальна: некоторые люди просто лечили больных, пока другие устраивали кровавые игры в тени.

Пока письмо идет до Винстана, я решил поговорить с еще одним человеком, который мог быть подозреваемым или вывести меня на след B.D. Архитектор. Я вошел к себе в комнату; в памяти мелькали статьи из свежих газет, даты, события, имена… Одно имя явно подходило под инициалы. Молодой архитектор, талант, которого сравнивали с талантом…, Саймон Кроу. Однозначно это он. Однако где мне его найти? Если строятся несколько объектов, он мог быть где угодно.

Можно было бы пойти наугад, но тогда шанс встретить его был невелик. А пройти по всем постройкам — это самый верный способ привлечь к себе внимание. Нужно было поспрашивать в городе, но тут шансы тоже невелики. Я потер виски. Голову разрывали мысли.

Я разделся и лег на кровать. Сон никак не шел. Уши улавливали звук музыки, и мне казалось, будто она в моей голове, словно я сумасшедший. Но, прислушавшись, я понял, что музыка исходит из одной из комнат. Точно не из соседней, ведь соседняя комната пустует, и звук проходил сквозь дубовую дверь, а не стены. Кто-то играл на скрипке. Тонко, но с ноткой трагедии, будто каждая нота резала ножом по сердцу, показывала боль и терзала душу. Это был крик, что начинался где-то в груди, перекрывал воздух в горле и изливался, разрывая связки до самой последней частицы воздуха в легких. Я не мог понять, что это за мелодия, но она была однозначно знакома мне. Лежа на кровати, мне не хотелось прерывать этот крик, пусть даже он был мучительным, но настолько прекрасным, что хотелось слушать его вечно. Под эту мелодию я и уснул, так и не узнав, кто ее играл в такой поздний час.

Утро наступило быстро, мне показалось, моментально. Мой усталый, помятый вид не давал мне покоя. Нужно было привести себя в порядок. Заглянув в туалетную комнату, я решил сбрить трехнедельную щетину. Пара взмахов мазком, несколько нелепых движений — и я снова молод. Дождь сту-

чал по крыше монотонным барабанным боем, отражая мое настроение. Сейчас один вариант — идти на поиски. Дверь отеля захлопнулась за спиной. Я шел по промозглым улицам, подбородок утопал в воротнике сюртука, а мысли метались между разрозненными нитями дела. Саймон Кроу. Имя архитектора, выловленное из мутных вод слухов, висело в воздухе, неосязаемое и зыбкое, как утренний туман над доками. Найти его — значит, возможно, найти ключ к тайным чертежам «Сада», к потайным комнатам в новой тюрьме у Доков Гарден, к логову Призрака. Я отвел себе на поиски один день. Один день, чтобы вытащить крота из норы.

Я начал с Городского архива строительных проектов — пыльной, пропахшей плесенью и старым пергаментом конторы в подвале ратуши. Пожилой архивариус с трясущимися руками долго рылся в фолиантах регистраций подрядчиков за 1888–1890 годы.

— Кроу… Кроу… — бормотал он, водя костлявым пальцем по пожелтевшим спискам. — Вот контракт на тюрьму у Доков Гарден… Заказчик — Городской Совет. Подрядчик… Северная строительная компания. Архитектор… указан только подрядчик, мистер Кларк. Инженер проекта — мистер Элсворт. А вот имени главного архитектора… нет.

— Как нет? — Я не скрывал раздражения. — Не может быть.

— Бывает, — пожал архивариус плечами. — Особенно с этими… спецпроектами Совета. Иногда архитектор — на-

емный гений, пожелавший остаться в тени. Иногда… — Он многозначительно хмыкнул. — Имя просто не вписывают. Для удобства. — Для удобства сокрытия, подумал я мрачно, глядя на старика. Я проверил контракты на другие «прогрессивные» стройки мэра Хеллтона — школу, больницу. Архитекторы были указаны четко: Финч, Ллойд. Но тюрьма? Тюрьма словно спроектирована призраком.

Следующая остановка — офис «Северной строительной компании». Управляющий, дородный господин с лицом заправского биржевика, был вежлив, но непроницаем.

— Мистер Кроу? Да, ценный специалист. Работал по субподряду. Очень… приватная личность. Не любит публичности. Все общение — через доверенных лиц, почту на абонентский ящик. Расчеты — наличными, никаких чеков и ценных бумаг. Адрес? Увы, коммерческая тайна и условия контракта. Не могу.

— Доверенные лица? Хотя бы имя одного? — настаивал я, представляясь страховым агентом, проверяющим риски объекта.

Управляющий покачал головой, улыбка стала жесткой.

— Конфиденциальность, мистер… Смит. Краеугольный камень нашего бизнеса. Без обид.

День клонился к вечеру. Я обошел известные архитектурные бюро. Имя Саймона Кроу вызывало лишь недоуменное пожимание плеч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.